

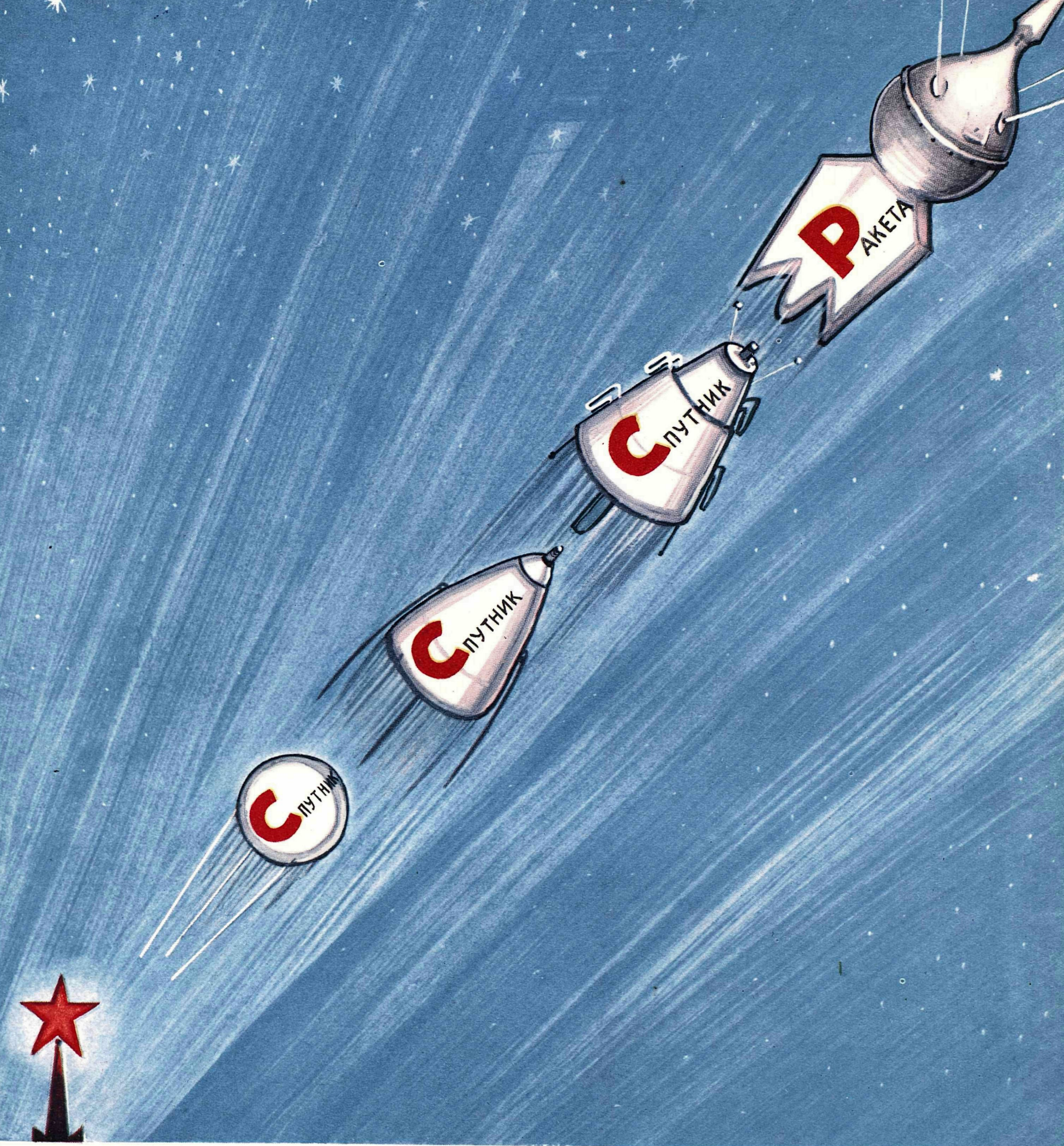

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

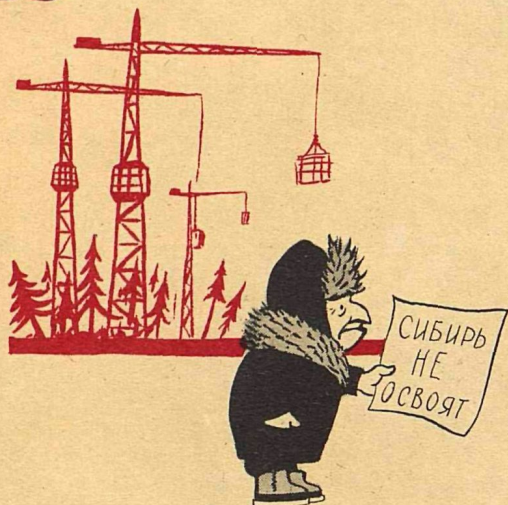
К Р О К О Д И Л

№ 3. (1545) • МОСКВА • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ 37-й • ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. • 30 ЯНВАРЯ 1959

— Ты знаешь, читатель, что за рубежом говорят о нас много хорошего. Но есть среди наблюдающих за жизнью Советской страны и такие ТИПЫ:

Недалекий.

Близорукий.

Сомневающийся.

Отрицающий.

БУДУЩЕМУ ИСТОРИКУ

Мы живем в удивительное время. Будущим историкам придется не только осмыслить гигантские социальные и экономические изменения, происшедшие на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, но и основательно заняться лексикой наших дней. Она тоже претерпевает разительные перемены: появляется множество новых слов, а ряд старых приобретает иное значение.

Полистайте подшивки газет Российской империи, и вы, конечно, встретитесь со словом «съезд». Можете натолкнуться на отчет о съезде дворян или о съезде мировых судей, который часто именовался «мировым съездом». Название громкое, а дела на полгроша. Уездные, губернские, а также всея Руси, эти съезды навечно канули в Лету, не оставив после себя никакого следа. Прямо скажем: у слова «съезд» была незавидная судьба.

В нашу эпоху это слово родилось заново. Мы говорим «съезд» и вкладываем в старое слово совершенно новый смысл — целую историческую эпоху в развитии нашего государства.

Съезд индустриализации, съезд коллективизации, съезд строителей коммунизма... Да, наверняка именно так назовут историки нынешний, внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: съезд строителей коммунизма, съезд, знаменующий начало нового периода в развитии Советской страны — периода развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране.

Слово «пятилетка» родилось сравнительно недавно, но к нему уже привыкли. Теперь к пяти годам прибавили еще два, и возникло новое слово — «семилетка». И оно поражает воображение, с ним связаны самые дерзновенные замыслы, выполнить которые по плечу только нам.

Сделаем такое фантастическое предположение. Мы разыщем на задворках Европы или Америки какого-то высокопоставленного чиновника из бывших, страхнем с него нафталин, приведем в наш Госплан и скажем:

— Вот тебе бразды. Управляй!

Вчитавшись в головокружительные цифры, взглядевшись в необозримую карту нашей семилетки, чиновник на следующий же день попросит пощады:

— Увольте! Это выше моего разума.

И подаст на высочайшее имя (в данном случае на имя Верховного Совета СССР) прошение о немедленной отставке. А ведь как он, злодей, надрылся, крича, что рабочие и крестьяне России ни при какой погоде не смогут управлять хозяйством и непременно его развалят! А меж тем хозяйство это было, по нынешним масштабам, с гулькин нос!

Есть старое слово, обозначающее тела солнечной системы, обращающиеся вокруг планет: «спутник». Оно часто употреблялось в научных трудах по астрономии, реже — в литературе, почти никогда — в народной молве.

Сейчас оно у всех на устах.

Еще недавно небо и небесные тела были очень далеки от человека. Помните, как сказал поэт:

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна...

Но время невидимок прошло. Мы уже осмотрели и «ощупали» Луну чудесным радиоглазом, сделанным руками советского человека.

Было в английском, французском да и в других языках слово «Satellite». И не стало его. Теперь всюду в мире пишут и говорят по-русски: «Спутник». Так меняется лексика.

Расширяется и значение самого этого слова. Наши братья китайцы, когда построят новый завод, пророчат новый оросительный канал, с гордостью говорят: это наши спутники. И мы считаем, что большая химия, большой хлеб, большое новоселье — добрые спутники советской жизни.

К сожалению, у нас есть не только успехи, но и недостатки. И о недостатках мы говорить не боимся. Если замалчивать их, не бороться с ними, то недостатки, чего доброго, могут стать постоянными спутниками. А мы таких спутников иметь не желаем. Место им на мысе Канаверал или еще где-нибудь подальше. Пускай сгорят они! И чем скорее, тем лучше!

А как помолодело, как изменилось сейчас такое древнее, старое слово — «дружба»!

Раньше говорили так: «Три друга: отец, мать да верная жена». Или так: «Вещь хороша, пока новая, а друг — когда стар». Теперь понятие дружбы в эти пословицы не уложить.

Дружба народов... Такого раньше не слыхивали и уж, конечно, не видывали. Сегодня в лице нашего сплоченного Союза Республик, в лице нашего единого и монолитного социалистического лагеря она предстает перед всем миром. Смотрите все люди: нерушима, крепка, как сталь, животворна, как могучая мать-природа, наша выкованная в боях и труде дружба.

Мы дорожим нашими старыми, испытанными друзьями, но радуемся и каждому новому. А их у Страны Советов становится все больше и больше. Это очень хорошо! Так мы понимаем дружбу.

Вот как обстоят дела, дорогой товарищ историк будущего. Вникай в экономику нашей эпохи, оцени по достоинству великие социальные сдвиги, происшедшие в мире, но не обдели своим вниманием и лексику!

Вдумайся в новые слова и понятия, которые рождаются сейчас и дойдут до твоих далеких времен.

И тогда яснее станет тебе все то, во имя чего мы сегодня живем, боремся, творим.

Крокодил

ТЯЖЕЛАЯ И ЛЕГКАЯ...

Дорогою широкою,
Прославив честный труд,
Тяжелая

и Легкая

Индустрии идут.
Им, жизнь, успехи новые
И радости готовы!..

Сердечное согласие,
Совет вам да любовь!

Бор. ТИМОФЕЕВ

УЛЫБКА НА СОЛИДНОЙ БАЗЕ

КОЛХОЗ имени Буденного, Березовского района, Одесской области, известен далеко за пределами Советского Союза. Более тридцати лет руководит колхозом его организатор и бессменный председатель Макар Анисимович Посмитный. Трудно сосчитать, сколько гостей со всего мира принял Макар Анисимович в колхозе! Гости, как известно, бывают разные, но всех их Макар Анисимович встречает доброй, обаятельной улыбкой.

Да и не только он. Редко кому из гостей удавалось увидеть в колхозе хмурого человека. А вот веселую шутку встречали они очень часто.

Один американский корреспондент, осмотрев колхоз — огромный универсальный завод зерна и мяса, жиров и молока, овощей и фруктов, вина и меда с ежегодным доходом свыше десятка миллионов рублей, пришел к такому заключению:

— Да, улыбка вполне оправданная, она покоится на солидной базе!

ВАСЯ, ЗОВИ ЛЮДЕЙ!

Это случилось сразу после войны, когда в колхоз пожаловали первые зарубежные гости с Запада. Иностранцы заглянули в дом к одному из колхозников. И в то время, когда они разговаривали в прихожей, в другой комнате спали дед с внуком. Громкий и непонятный иностранный говор разбудил старика. Видимо, ему еще памятли были времена немецкой оккупации, и он, тормоша внука, спросонья тихо, но твердо приказал ему:

— Вася, Вася, беги, собирай людей, окружать будем!

А сегодня иностранные гости — дело привычное. В селе даже свой колхозный министр иностранных дел имеется. Чтобы председателю оставалось больше времени для руководства хозяйством, он вручил этот «портфель» своему заместителю Василию Чечукову.

И теперь уже гости окружают хозяев. И такое это бывает цепкое «окружение», что из него не скоро и вырвешься...

ЖИВОПИСЬ

Много лет Макар Анисимович проводил среди трактористов конкурсы на самые ровные линии посева. Механизаторы научились так ровно сеять, что первые всходы казались расчерченными прямыми параллелями по всем правилам геометрии.

— Прямо живопись! — воскликнул один иностранный гость.

— Не нахожу ничего живописного, — возразила его супруга.

— Я с вами согласен, — улыбаясь, поддержал супругу иностранца Макар Посмитный. — Не дай бог, если наши посевы будут похожи на модную «живопись» Запада!

В КОМПАНИИ ВЕСЕЛЕЕ

Чья-то буренка, игнорируя личный сарай, стала захаживать в колхозный коровник.

— И коровы нынче разбираются, где лучше, — заметил Макар Анисимович.

В начале 1958 года колхозники продали своих коров колхозу.

— Наконец-то избавились от мороки! — стали говорить колхозницы.

Месяц спустя от коров, которые давали в личном хозяйстве по пять литров молока, стали надаивать по двенадцать литров.

— В компании веселее и кушать и доить, — комментировал это событие председатель.

Теперь каждое утро «Москвич»-молоковоз развозит молоко по домам колхозников.

БУДЬ Я КОРОВОЙ...

В 1956 году колхоз посетил американский фермер мистер Гарст. Когда он осматривал новый коровник, его спросили:

— Нравится ли господину помещение?

Мистер Гарст окинул оценивающим взглядом высокий, светлый и просторный коровник и ответил:

— Лучших хором нельзя и желать! Будь я коровой, я был бы счастлив.

КОЗЫРЕК УДИВИЛ АМЕРИКУ

Знакомясь с колхозным хозяйством, мистер Гарст остановился возле решетчатых башен, в которых хранятся початки кукурузы.

— Точно такие же башни есть и у нас в Америке, — заключил фермер. — И вентиляция такая же, а вот козырек...

Мистер Гарст стал внимательно осматривать круто наклоненный к земле железный козырек, окружавший основание башни, — непреодолимое препятствие для грызунов.

— Как просто и здорово! — воскликнул

господин Гарст в восхищении.— Но мы до этого не додумались.

А еще говорят, Америку ничем не удивишь...

ПОРА БЕЗГЛАЗОЙ ОПАРЫ

У сельской хозяйки много возни с выпечкой хлеба. Да и не всегда в домашних условиях можно соблюсти необходимые санитарные требования. Об этом даже говорится в старой присказке.

Однажды в макитру с опарой втиснулся котенок и утонул в ней. На поверхности остались только глаза. Мальца, заглянувший в макитру, закричал:

— Мама, опара сегодня с глазами!

В колхозе имени Буденного женщин избавили от хлопот по выпечке хлеба. Здесь построена автоматизированная пекарня, где ежедневно изготавливается пять тонн хлебобулочных изделий.

Одна старушка, увидев впервые огромный чан, изумленно всплеснула руками:

— Столько теста! Не иначе его мужики ногами будут месить.

Перед пуском в хлебопекарню пригласили женщин, чтобы они удостоверились, что тесто месит машина и что чистота здесь исключительная. А когда попробовали первый испеченный хлеб, та же старушка сказала:

— Прямо чудо, машина хлеб делает, и хлеб не пахнет машинным маслом.

Никогда больше не будет опары с глазами.

ГОРЧИЧНЫЙ ДЕНЬ

При колхозном Дворце культуры есть радиоузел. По радио объявляются наряды на работу, передаются срочные распоряжения, советы. Но иногда перед микрофоном раздражаются грозы...

Как-то один из парней женился. Давно прошел медовый месяц, а парень все норовит побольше побыть возле молодой жены. От избытка любви стала страдать работа. И тогда, под горячую руку, Макар Анисимович выпалил перед микрофоном:

— Что-то слишком долго медовый месяц справляешь, парень, и в рабочее время! Дело забросил. Смотри, брат, как бы тебе не отвратить горчичного дня на собрании.

После этого и любовь и работа стали на свои места.

БАЛЬНЫЕ ТАНЦЫ

Отдыхая на одном из кавказских курортов, Макар Анисимович, как всегда, присматривался, что бы перенять полезное и нужное для своего колхоза. На сей раз он

обратил внимание на уроки бальных танцев. Договорился об оплате уроков. Преподаватель приехал в колхоз. Появилось объявление:

«Все желающие, от 16 до 40 лет, обучиться бальным танцам приходят после рабочего дня в клуб».

Многих пожилых колхозников это объявление обидело, посыпались претензии. Слова «от 16 до 40 лет» пришлось стереть.

ВОТ ЭТО ИНТЕРЕСНО!

В колхозе имени Буденного есть что посмотреть. Но иной корреспондент, залетевший сюда с Запада, бродит целый день по колхозу и скучает: все ему неинтересно.

Однажды такой корреспондент увидел возле винодельного цеха старый-престарый локомотив, паром которого пропаривают бочки.

— Вот это интересно!

И корреспондент стал щелкать фотоаппаратом.

— Да, интересно,— подтвердил Макар Посмитный.— Этот паровик изготовлен в Америке.

Корреспондент сразу спрятал фотоаппарат и снова заскучал.

ВОЗВРАТЯСЬ ИЗ АМЕРИКИ

Недавно Макар Посмитный побывал в США. И там, за океаном, он многое запомнил, что полезно и нужно для своего хозяйства.

— В Америке я видел безрогих коров,— рассказывает председатель,— но наши хоть и с рогами, да ни в чем не уступят американским. А вот бороться за повышение процента жирности молока, за привес куриного яйца, как это делается в Америке, стоит и нам. Видел я, какой почет в Америке оказывают курам. В раннем возрасте им прижигают кончики клювов. Когда клюв тупой, курица не так разбрасывает зерно и больше съедает.

Встретился в Америке Макар Посмитный с мистером Гарстом. Председатель колхоза и фермер много беседовали и пришли к единому выводу: жить надо мирно и друг у друга учиться.

— Вот мы же встретились дважды,— сказал мистер Гарст,— а почему бы не встретиться главам наших правительств?

— И я так думаю,— ответил Макар Посмитный.

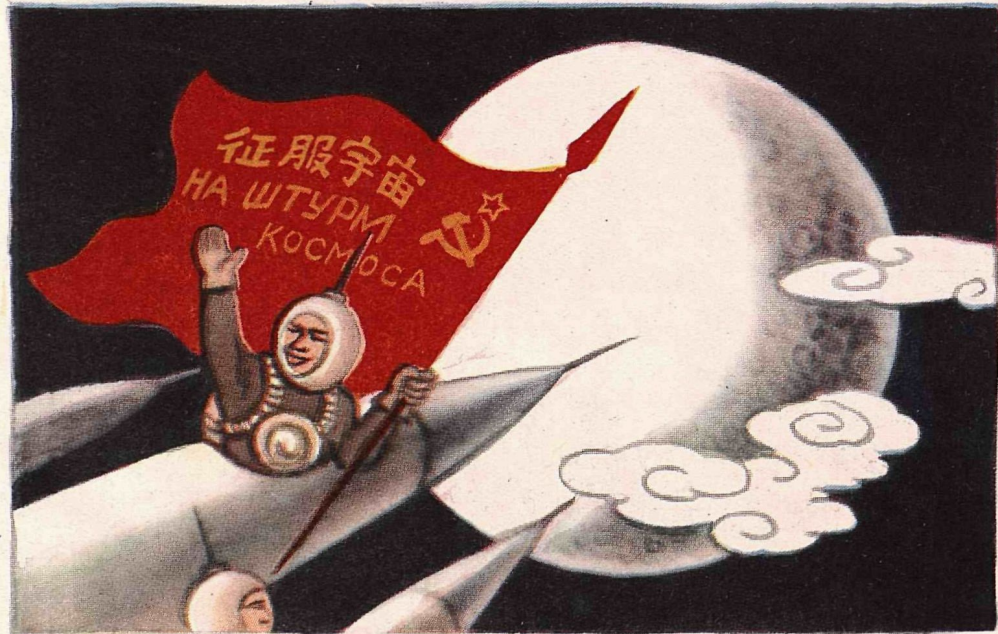
И. ГАЙДАЕНКО

ДВА ШТУРМА

Рисунок ГУ ПУ
(Китайская Народная Республика).

В 1917 году — Зимний дворец.

В 1959 году — Луну.

Эмиль КРОТКИЙ

Рациональное зерно

Друг с другом спорили однажды
Два агрохимика, и каждый
Твердил, что он нашел давно
Бесспорной истины зерно.
Клялись. Бранились. В споры эти
Безмолвно вслушивался третий.
Он думал: «Истина сложна.
[Кто в споре прав! Чей довод спорен!]
Я ж, не ища отдельных зерен,
Сдал на ссыпункт сто тонн зерна».

Сей краткой басенке едва ли
Нужна мораль. Здесь нет морали,
Но есть пшеница. Вот оно —
Рациональное зерно!

Крокодил обратился к своим зарубежным собратьям по перу и кисти с вопросом:

— Как вы представляете себе 1965 год?

В этом номере мы публикуем некоторые из полученных ответов.

Андре ВЮРМСЕР

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

М ОИ дорогой Крокодил, ты хитрец. Я никогда не увиливал от твоих просьб. Каждый раз, когда я писал для тебя статьи, я тщательно избегал каких бы то ни было каламбуров, которые потребовали бы сноски: «Игра слов, не переводимая на русский». А теперь ты приготовил для меня коварную ловушку: «Представьте себе 1965 год...»

Хорошо известно, что старые журналы не перечитывают, особенно семилетней давности, даже Крокодил. Но, тем не менее, представляя себе 1965 год, я прежде всего представляю себе твою ехидную улыбку, с которой ты перечитываешь мои пророчества...

Поэтому я буду осторожен и благоразумно разделю мои предвидения на три группы: «возможные» (которые не повлияют на мою репутацию), «вероятные» (о которых можно сказать то же самое) и «безусловные» (те, что не вызывают ни малейшего сомнения, например: «Каждый день приближает нас к концу капитализма»).

Безусловно, что в 1965 году человек устремится в космос; **вероятно**, он к тому времени высадится на какой-нибудь планете; **возможно**, она окажется обитаемой. Если исследователь прибудет из социалистической страны (что **вполне вероятно**), он объяснит жителям Марса или Венеры устройство социалистического общества и предложит этим далеким соседям пять принципов мирного сосуществования. Тогда жители дальних планет решат, что на Земле живут разумные существа.

Если же (что **менее возможно**) первыми на Марсе окажутся представители капиталистического мира, то может статься, что они продемонстрируют там фейерверк своих водородных бомб и проспекты акционерных обществ. Но даже если этого не случится, марсиане, **безусловно**, построят в их честь дом для душевнобольных.

Безусловно, что в 1965 году на орбитах будет больше искусственных спутников Земли, чем на Земле — спутников Америки. **Возможно**, большинство народов будет само заниматься своими делами (с точки зрения госдепартамента это будет, **безусловно**, грубым вмешательством во внутренние дела Соединенных Штатов).

Возможно, задания советского семилетнего плана будут выполнены еще до 1965 года, как это случалось раньше с советскими пятилетками. Во всяком случае, **безусловно**, что в 1965 году социализм еще раз докажет самым неопровержимым образом преимущество здравого смысла над анархией, порядка — над беспорядком, человечности — над погоней за прибылью.

Безусловно, с другой стороны, что эти успехи не будут признаны буржуазной прессой. Она попытается доказать, что чем дальше продвигается Советский Союз, тем дальше он откатывается назад. Какой-нибудь газетчик напишет: «Низменная коммунистическая цивилизация, основанная на удовлетворении материальных потребностей человека, лишает его самого главного, с точки зрения западной, атлантической и христианской культур, — потребности в боге». В самом деле, господь может предложить беднякам куда более комфортабельный рай на небесах, чем 15 миллионов новых земных жилищ в СССР. Сверх того Запад может предложить новый танец на руках и роскошных девиц, развалившихся на обложках вполне христианских журналов.

Возможно, что в 1965 году СССР будет рассматривать вопрос о переходе на 30-часовую рабочую неделю. **Безусловно**, он уже осуществит переход на 35-часовую рабочую неделю. Столь же **безусловно**, что ничего подобного не случится в капиталистических странах.

Безусловно, западная пресса назовет сокращение рабочей недели в СССР «демагогическим жестом, обычным для советской пропаганды». **Возможно**, западные журналы

сты будут сокрушаться, что у советских людей «отнимают самое ценное — работу». **Безусловно**, они не убедят в этом западных рабочих, которые все больше и больше будут смотреть на СССР как на образец для подражания.

Возможно, что для устранения этой угрозы капитализм будет стараться заменить опасную демократию надежным, с его точки зрения, фашизмом (Франция 1958 года является симптомом). **Вероятно**, он столкнется с большими трудностями. **Безусловно**, что в 1965 году — это вполне надежное предсказание — он будет на 7 лет ближе к своей могиле, чем в 1958 году.

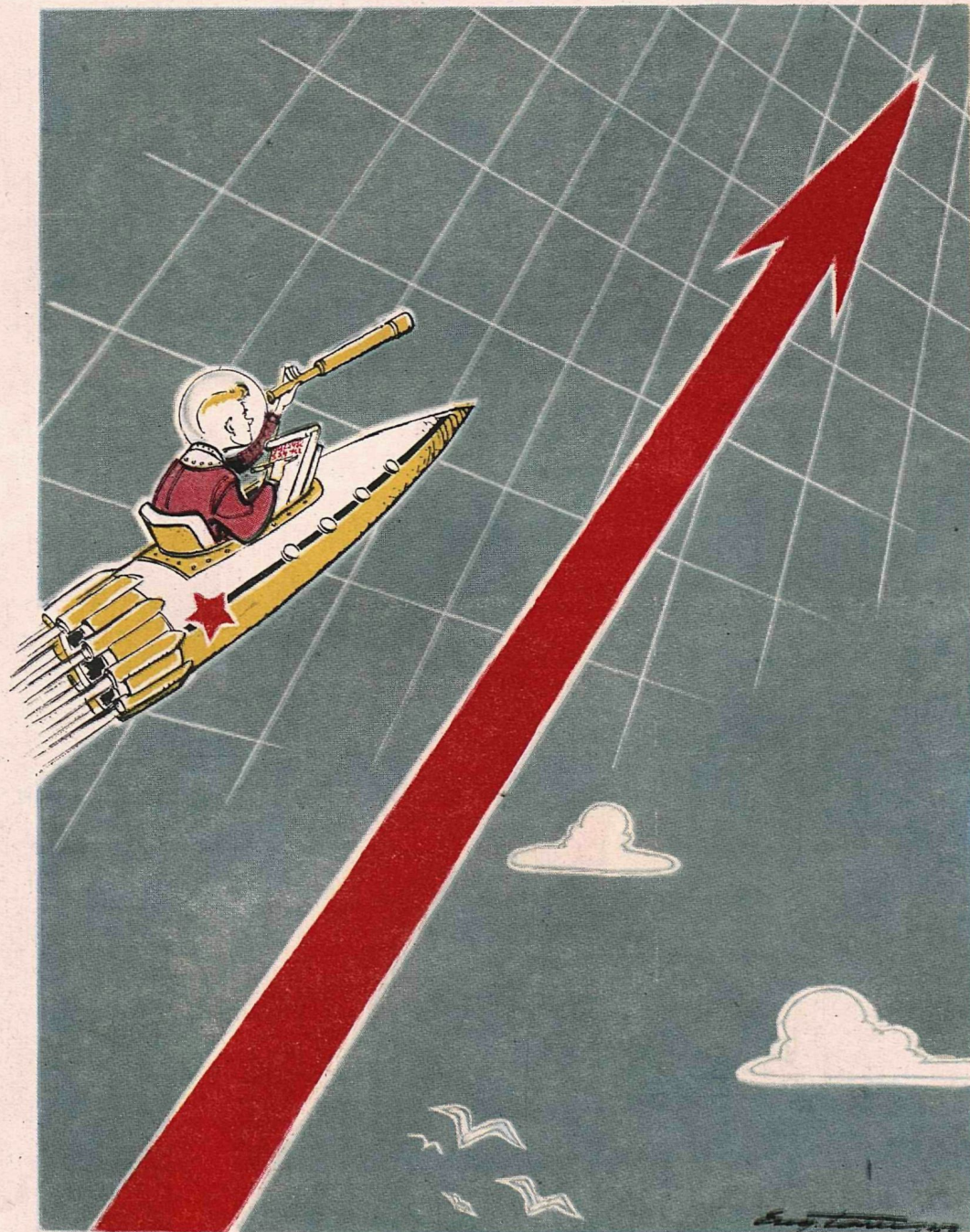
Вот, мой дорогой Крокодил, все, что я могу предсказать в самом начале 1959 года. **Возможно**, что твой читатель найдет мою статью полной прописных истин. **Вероятно**, из деликатности ты мне этого не скажешь. Но совершенно **безусловно**, что в тот день, когда большинство людей откроет глаза на эти прописные истины, мир изменит свое лицо.

Ей-богу, тем лучше, если это случится до 1965 года!

г. Париж.

Продолжение см. на 8—9 стр.

Рисунок Эуджена ТАРУ (Румыния).

Так будут наблюдать за графиком советского производства в конце семилетки.

ГАДАНИЕ У ЗЕРКАЛА

Я ПИШУ здесь о реальных фактах и стараюсь избежать сатирического сгущения красок. Это было в Женеве минувшей осенью на Второй международной конференции по мирному применению атомной энергии. Обходя американский отдел научно-технической выставки, среди атомных реакторов и термоядерных установок я наткнулся на старую знакомую — электронную математическую машину. То была скромная сверстница наших больших машин, ведущих грандиозные вычисления, управляющих процессами технологии, занимающихся переводами с языка на язык, разрешающих шахматные задачи, помогающих предсказывать грядущее.

Да, предсказывать грядущее! Предвычислять события, как умеет это делать наука, на основе знания законов природы. Электронные машины помогают составлять прогнозы погоды, предрешать, полетят ли завтра самолеты, выйдут ли в море корабли. Это электронные машины оказались прорицательницами, открывшими судьбу советской лунной ракеты, указав ей участь сестры Земли и дочери Солнца.

Девушка-оператор с доверием всматривалась в светящиеся экраны, как, бывало, гадала, гля-

дя в вешнее зеркальце, героиня старинной русской баллады. Для нее это «телевизор будущего». Что показывает он: профиль будущего канала или будущего стального крыла? Как зовут девушку? Светлана?

Здесь, на выставке, электронная машина не занималась своими прямыми обязанностями, не показывала на фосфоресцирующем экране контуры будущих атомных реакторов. Через окна павильона, затянутые мутной полиэтиленовой пленкой, виднелся парк, сбегаящий к лазурной воде. На берегу Женевского озера электронная машина отдыхала. Она развлекала посетителей, рисуя им картинку. Не успел я оглядеться, как она изобразила для меня голубка, держащего в клюве мирный атом. Мы воспроизводим эту картинку в журнале на следующей странице внизу. Не предъявляйте к ней больших претензий. У автоматической художницы не было кисти и карандаша, у нее была лишь пишущая машинка, подчиняющаяся велениям математических формул. И она отстукала рисунок на машинке так, как велели ей формулы, искусно расположив математические значки.

Встретив в баре американских коллег, я разговорился с ними:

— Передайте привет и благодарность машине. Картинка очень понравилась. Я ее обязательно остеклю и повешу в комнате. Но откуда у машины такая храбрость? Голубь мира ведь не самая популярная птица в государственном департаменте.

— В наше время машины похотнее иных людей. Даже самое пристрастное дознание в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности не заставит машину отречься от убеждения, что дважды два — четыре.

— Пусть же все-таки лучше наблюдают за этой машиной. А то вдруг возьмет да и тиснет... серп и молот.

— Понимаем тонкий намек. Вы имеете в виду историю в Калифорнийском университете?

Я не знал этой истории. Мы разлили в стаканы кока-кола. Тут я впервые услышал имя профессора Отто Дж. М. Смита.

Специальностью профессора Смита были математические машины, работающие по принципу электронных моделей. Инженеры сразу смекнут, в чем суть, а несведущие в технике пусть поверят на слово. Доказано — и порукою здесь великое единство природы, — что можно из одних проводов и радиодеталей построить электрическую

модель для многих процессов, текущих в природе. Надо только подобрать подходящие схемы, и тогда, измеряя токи, текущие по проводам, можно догадаться о коварной работе грунтовых вод, размывающих тело плотины, о движении газов в огненном чреве печи, о воздушных вихрях, играющих пропеллером. Это как бы электронное зеркало, в котором отразится грядущая судьба будущих сооружений.

Электронные модели природных явлений работали замечательно, и профессору Смиту пришла в голову дерзкая мысль — соорудить электронную модель экономической системы, электрическую схему, имитирующую капитализм, и на этой модели разобраться в хаосе капиталистических отношений. Воротилы Уолл-стрита приняли предложение «на ура». Грозный хаос, исполненный роковых неожиданностей, смущал души всех, даже мультимиллионеров; он сгонял их в сумерки к астрологам и гадалкам, гороскопам и вертящимся столам. А теперь приоткрывалась возможность опираться не на зыбкие принципы столотворения, а на прочный фундамент математических прогнозов. Какая упоительная перспектива! В распаленных алчностью мозгах рисовался некий миниатюр-полигон, позволяющий планировать стратегические операции против экономических конкурентов, развивать на электронной основе очищение карманов трудящихся и, быть может, — о боже! — избежать разрушительных кризисов.

Было ясно, что модель профессора Смита показала бы лишь приближенную картину явлений, но высокие консультанты с Уолл-стрита, апробируя исходные предпосылки, позаботились о том, чтобы степень приближения оказалась близкой к достоверности. Движение капиталов в электронной модели изображалось электрическими токами определенной частоты, процессы накопления и задержки реализации товаров воспроизводились в системе конденсаторов и индуктивных катушек. Тут учитывались, в частности:

— взаимосвязь наличия промышленного оборудования и потребности в его амортизации;

— зависимость капиталовложений от национального дохода;

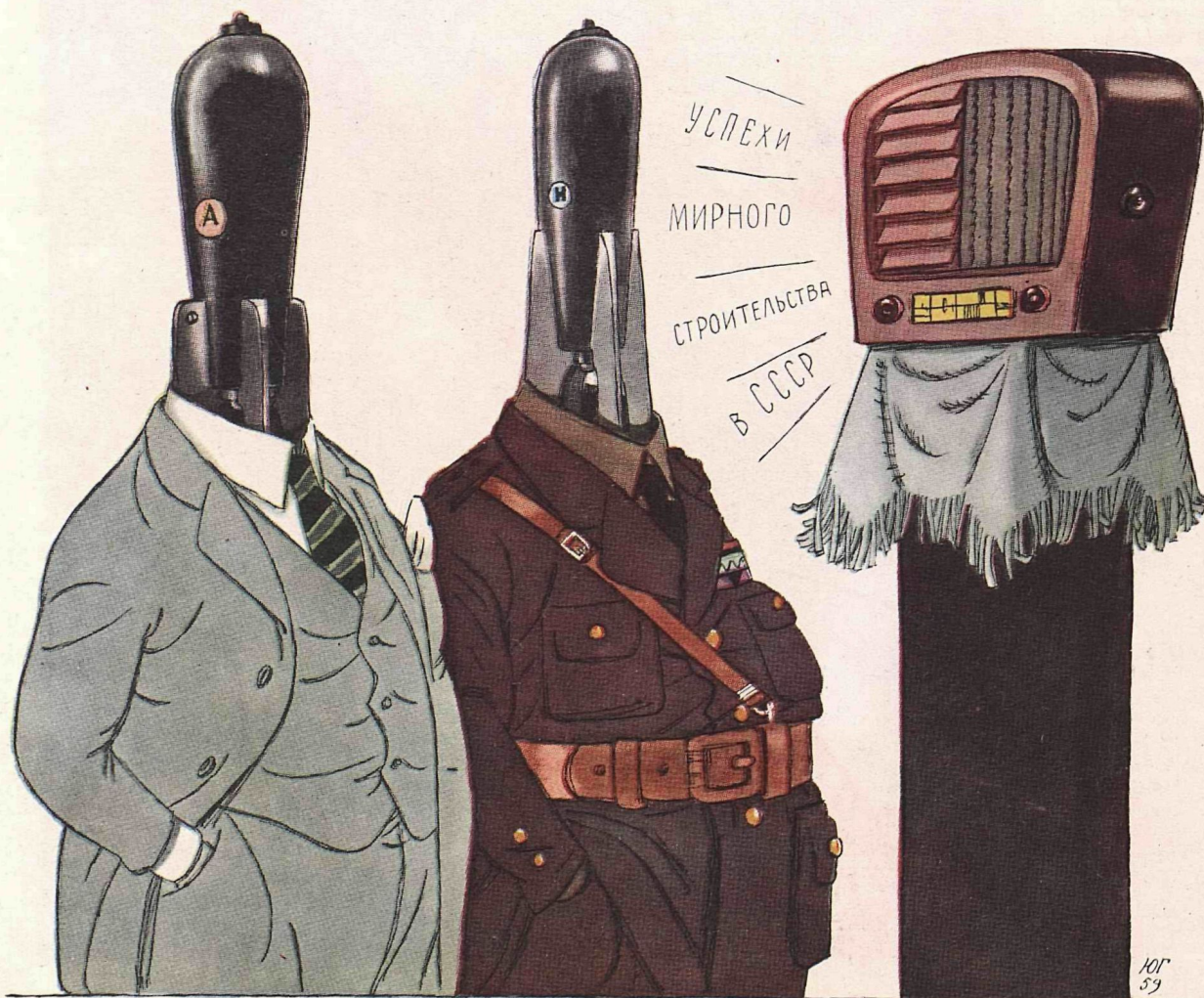
— стремление к максимальной прибыли;

— запаздывание реализации потребительных товаров по отношению к выплаченной зарплате, и т. д., и т. п.

Машина как бы торопила бег времени: явления, занимавшие год, протекали в ней за две десятитысячных секунды.

При потушенных огнях, чтобы ярче светились кривые на фосфоресцирующих экранах, собирались у машины Смита воротилы финансового мира. Это

Рисунок Ю. ГАНФА.

— Большевики нам не пример! У нас своя голова на плечах!

было гадание перед электронным зеркалом, готовым отразить жестокое и капризное лицо капиталистической экономики.

Профессор Смит включил рубильник с жутким чувством гадальки, зажигающей заветную свечу. На экранах задрожали зеленые зубчатые кривые, образуя пики, пропасти, ножницы. С волнением вдумывались присутствующие в их иероглифический смысл. Стало ясно: система крайне неустойчива. Она подвержена периодическим колебаниям, совершающимся примерно раз в десять лет. И присутствующие узнали в них призраки кризисов, глянувший в комнату со светящихся экранов. Он был неотвратим. Операторы тщательно вертели рукоятки «экономических факторов», стараясь стабилизировать систему. Колебания—кризисы—были неизбежны. Для достижения устойчивости не было никаких путей. Был порочен, по-видимому, самый принцип существования капиталистической системы...

Профессор Смит стал включать рукоятки, имитирующие возмущения, вносимые в капиталистическую экономику последствиями войн. Возмущения оказались не только глубокими, но и длительными. Они длились годы, десятилетия. Не затихли еще последствия первой войны, как ударил сокрушительный толчок второй. Стрелки гальванометров раскачивались, как порывом бури, на экранах сверкали зеленые молнии... Колебания достигли разрушительной силы.

— Удивительно, как она до сих пор не разрушилась... — прошептал из темноты тоскливый голос.

— А она и разрушается, — простонал другой. — После первой войны капитализм недосчитался России, а после второй — откололся целый лагерь социалистических стран...

В совершенном смятении профессор Смит положил палец на кнопку явлений возможного будущего. То была черная кнопка третьей мировой войны.

Но коллеги схватили его за руку. В зеленоватом отсвете экранов лица их казались лицами мертвецов.

— Не трудитесь! Не надо! — прогремел огорченный бас...

— Дело хуже, чем можно предположить. Против нас еще

Торжественный марш.

множество внешних и внутренних факторов.

Наступило тягостное молчание. Одна мысль выражалась на всех лицах: «Запретить!» Запретить математику так же, как пытаются запретить марксизм-ленинизм. Оградить машину бронированной стеной, как зашивают зеркало в комнате мертвеца. Разбить зеркало!.. Но бить зеркало—дурная примета. Запретить астрономию, чтоб

не видеть советской ракеты, взлетающей в небеса! Запретить океанографию, чтоб не видеть атомного ледокола! Разрешить? Разрешить лишь одни испытания атомной бомбы... Но науку, кажется, запретить нельзя. И все чаще и чаще на стенах Дворца науки вспыхивают грозные знаки, словно огненные буквы «Мене, текел, фаре» на пиру Вальтасара. Для капитализма эти вещие знаки страшнее легендарных пророчеств: это строгие научные прогнозы его неминуемой судьбы. Вот в чем смысл иероглифов, вспыхнувших на панелях лаборатории электронных машин Калифорнийского университета.

...С волнением перелистывал я сочинения Маркса, сомневаясь, не являются ли опыты профессора О. Дж. М. Смита математическими фокусами, вульгаризирующими марксизм.

Но вот что К. Маркс писал Ф. Энгельсу:

«...Я здесь рассказал Мүру одну историю, с которой, честно говоря, долго провозился... Дело в следующем: ты знаешь таблицы, где цены, учетный процент и т. д. и т. п. представлены в их движении на протяжении года и т. п. идущими вверх и вниз зигзагооб-

разными линиями. Я неоднократно пытался — для анализа кризисов — вычислить эти восходящие и нисходящие в виде неправильных кривых и думал (думаю еще и теперь, что с достаточно проверенным материалом это возможно) математически вывести из этого главные законы кризисов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале». 1948, стр. 192).

Таким образом, гениальный прозорливец Маркс как бы предвидел работы профессора Смита. Профессор Отто Дж. М. Смит не марксист, но, по-видимому, настоящий ученый. Он пустился в честное плавание по течению своей науки, и она принесла его к подножию Маркса «Капитала».

Те, кто думает, что история, происшедшая в Калифорнийском университете, — пропагандистский анекдот, могут познаться со статьей О. Дж. М. Смита и Н. Ф. Эрди «An Electronic Analogue for an Economic System» в журнале «Electrical engineering». Дальнейшие исследования профессора обобщены в статье «Economic Analogs» в журнале «Proceedings of the Y. R. E.», к которой и советуем обратиться в первую очередь.

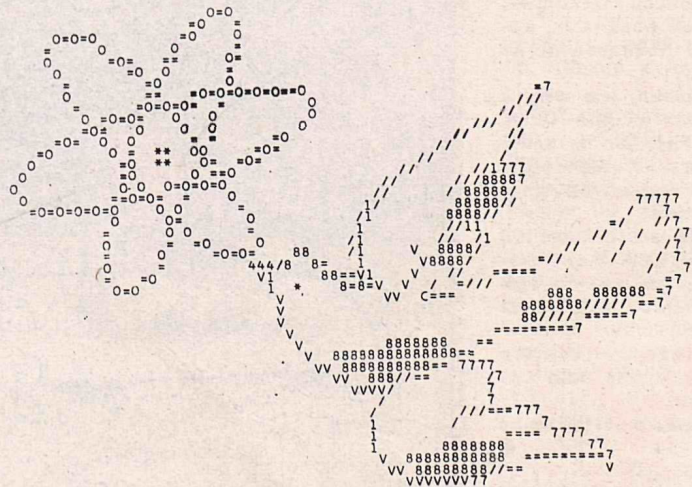

Рисунок выполнен электронной математической машиной.

1965 год...

Питер ТЕМПЕСТ

ЧТО БУДЕТ?

ДОРОГОЙ Крокодил, как я могу описать тебе 1965 год? У меня нет волшебного зеркала и нет телескопа, чтобы следить за звездами — предсказательницами будущего. Самая яркая звездочка у меня в жизни — это моя жена Бригитта, которой только что исполнилось двадцать семь лет. Представь себе, что я спрошу ее о 1965 году. «В 1965 году, — ответит она, взглянув на меня своими задумчивыми глазами, — мне будет двадцать семь лет».

Если бы я был консерватором — членом парламента, я взял бы бутылку розовых чернил (фирма гарантирует их быстрое выцветание и полное исчезновение сразу после выборов) и нарисовал бы сияющую картину консервативного будущего, от которой у меня самого по щекам заструились бы слезы умиления.

Если бы я был торговцем, рекламирующим резиновые матрасы, я уверенно гарантировал бы вам «двадцать лет безоблачного комфорта».

Но как коммунист и как поэт я должен смело сказать правду. Могу ли я что-нибудь предсказать на 1965 год? Да, конечно.

Я могу заверить вас, что монополисты так и не найдут рецепта, предотвращающего дальнейшее сокращение доли капиталистического производства в мировой экономике; это производство напоминает мне плохую рубашку, сажающуюся после каждой стирки.

Я могу уверенно предсказать, что трудящиеся Англии за эти семь лет найдут новые основания ненавидеть капитализм и бороться против него.

И я могу заверить вас, что английская коммунистическая партия приобретет за семь лет новый опыт в борьбе за социалистическую Англию.

В 1965 году Советская страна тоже станет на семь лет старше. Но в отличие от людей, которым течение времени приносит новые морщины, она помолодеет и похорошеет. По-

добно великану в сапогах-скороходах, советский народ сделает новый семимильный шаг к коммунизму. Вдохновенный коллективный труд миллионов людей воздвигнет монбланы полновесного металла, холмы сверкающих якутских алмазов, накинёт узду на новые реки, отыщет новые месторождения подземных сокровищ... А для щедрого, гостеприимного стола будут выкормлены несметные миллионы розовых поросят и кудахтающей птицы.

Ваш атомный теплоход сломает лед отчужденности и проложит путь во многие зарубежные порты, помогая развитию дружбы и торговли. И, например, шотландские ткачи будут рады, что костюмы для советских граждан сшиты из их теплых тканей. А йоркширские инженеры будут гордиться тем, что их машины помогают выпускать больше автомобильных покрышек для советских самосвалов. Электрики Мидлсекса с удовольствием узнают, что их трансформаторы помогают старому Днепру давать больше живой энергии.

Мы будем рады встретить в Англии больше советских ученых и артистов, студентов и профессоров и просто туристов.

И они обнаружат, что в Англии больше нет желающих повторить ошибку того известного англичанина, который, увидев Ленина, склонившегося над планом ГОЭЛРО, решил, что новая Россия — это лишь прекрасные видения «мечтателя в Кремле».

Дорогой Крокодил, когда в 1965 году Советский Союз будет праздновать выполнение своего семилетнего плана, сможем ли мы, те люди на Западе, которые вместе с вами борются за мир, присоединиться к вам? Да, конечно!

Потому-то я уже тороплюсь заказать билет на самолет в Москву на декабрь 1965 года. Или даже на декабрь 1964 года...

Вот случай, когда хозяин будет рад, что гости приехали на год раньше!

г. Лондон.

Ласло ПАЛАШТИ

МЕЖПЛАНЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

ЭТО произошло 20 мая 1960 года... В этот день должен был состояться доклад двух лунных путешественников. В зале, как сообщали репортеры, отыскавшие свеженькое сравнение, «негде иголке было упасть».

И не удивительно: день назад в Москву вернулись первые путешественники с Луны.

Все газеты мира в специальных выпусках сообщали о покорении Луны. От Торонто до Токио, от Нью-Йорка до Джакарты все признавали приоритет советского космического путешествия.

Молодых ученых, побывавших на Луне, звали Пакольевым и Симушиным.

В этот майский день москвичи могли собственными глазами посмотреть на лунных туристов. Когда на сцене появился Паколев, его встретили такими мощными овациями, которых еще не слыхал много повидавший на своем веку зал.

Начав доклад, Паколев заявил, что они с Симушиным поделили материал на две части. Он расскажет о путешествии, прибытии, влиянии лунной атмосферы на организм человека, а его товарищ, Симушин, — о жизни обитателей Луны и об обратном полете.

При напряженном внимании всего зала он прочел доклад о космическом корабле, который достиг Луны, преодолев земное тяготение, и смог затем снова вернуться на Землю. Закончил он так:

— В конце семилетки сможет отправиться в путь новая ракета, которая будет еще совершеннее нынешней.

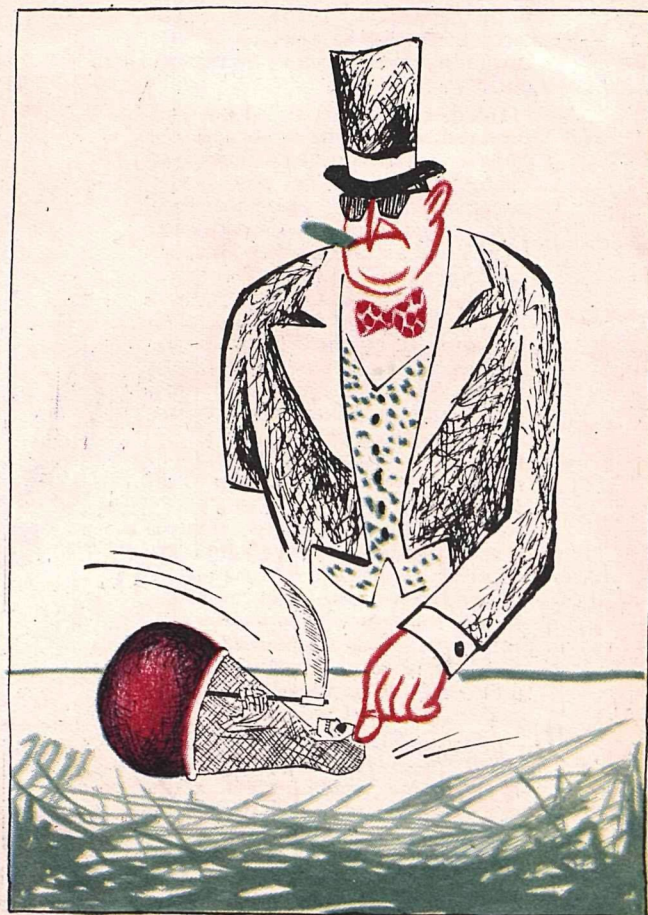
Прогремел шквал аплодисментов. Паколев спросил:

— Есть у кого-нибудь вопросы?

Вопросы были... И среди них такой:

— Скажите товарищ Паколев, а есть на Луне красивые женщины?

Рисунок Цезаре НЕРВИНСКОГО (Польша).

Мистер Ван

— Есть, — ответил тот. — Да еще какие! Но об этом расскажет мой друг Симушин. Он, пожалуй, с особым удовольствием будет говорить... — тут Паколев улыбнулся, — именно на эту тему. Предоставляю ему слово.

Он повернулся и отдернул зеленый занавес, скрывающий задний план сцены. Однако Симушин не появлялся, и Паколев в замешательстве вернулся к столу.

— Мой друг что-то запаздывает, разрешите, я расскажу вам пока о ракетном двигателе...

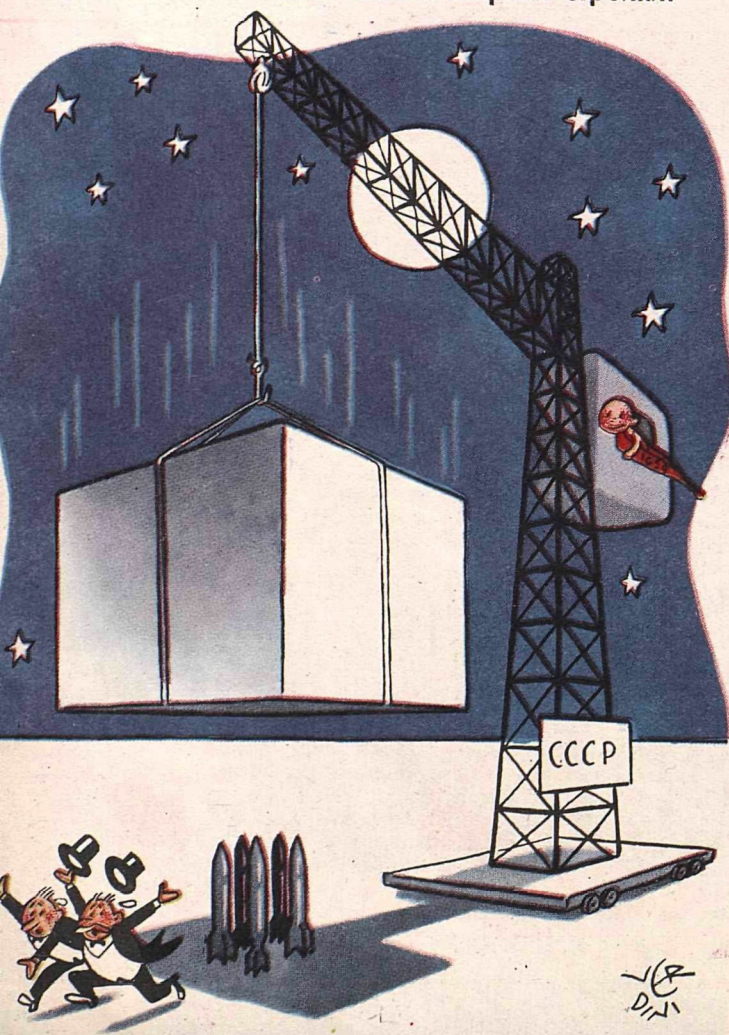
Он начал было рассказывать, но в этот момент перед ним на стол положили телеграмму.

Рисунок Джеймса ЭРИКСОНА (США).

Рисунок Рауля ВЕРДИНИ (Италия).

— А мы предлагаем положить на это место камень мирной стройки!

ЭНТУЗИАСТ

Я РАЗМЫШЛЯЛ о фельетоне для Крокодила, в котором должно было говориться о том, каким будет мир в 1965 году, когда в комнату вдруг вошел пан Кутя. У него был такой вид, словно внутри него зажгли лампу. Он весь светился. Глаза сияли.

— Советская космическая ракета вышла на орбиту и стала спутником Солнца! — сказал он, усаживаясь на мой стол. — Я три дня не отходил от радио!

— Не ты один, — ответил я.

Пан Кутя махнул рукой.

— Мало кто интересуется космосом так, как я... Я знаю, что это принесет человечеству! На межпланетные полеты я возлагаю самые большие надежды...

— Через несколько лет можно будет совершать на Луну экскурсии, — сказал я.

— О, да, да! — воскликнул пан Кутя. — На Луну и даже дальше!

— Первый шаг уже сделан, — продолжал я. — Люди ждали этого момента несколько тысячелетий.

— И еще как! — сказал пан Кутя. — Я сам его жду десять лет и три месяца.

— Десять лет и три месяца? — удивился я.

— Вот именно, — подтвердил пан Кутя. — Десять лет и три месяца. В конце концов, это не важно. Самое главное, что скоро можно будет туда летать! Начнется другая жизнь... Лучшая жизнь... Жизнь, достойная человека!

Пан Кутя вперил взгляд в пространство. Правда, это не было еще межпланетное пространство, но его глаза горели, как два прожектора. Он казался вдохновенным поэтом, хотя был только министерским служащим.

— Знаешь, что, — сказал я, закрывая пишущую машинку, — пойдем выпьем по рюмочке за астронавтику.

Кутя очнулся.

— Выпьем? — повторил он. — Нет. Я не пью.

— Прошу прощения, — сказал я. — Тебя, наверное, подменили в раздевалке. В твоё пальто всунули кого-то другого.

Кутя пожал плечами.

— Со вчерашнего дня я не пью, — возразил он решительно. — Не пью, не курю, и, кроме того, я взял еще сверхурочную работу. Я коплю на межпланетное путешествие. Это обойдется порядочно.

Я посмотрел на пана Кутю с уважением.

— Ты хочешь лететь на Луну? — спросил я. Кутя махнул рукой.

— Разве я когда-нибудь думал о себе? — сказал он скромно. — На эти деньги я пошлю жену и тещу!

— Два человека вместо одного — это будет ровно в два раза дороже, — сказал я трезво.

— Не будет, — ответил пан Кутя. — Я все хорошенько обдумал. Я куплю им билеты только в одну сторону...

г. Варшава.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

«Для большинства западных экономистов и деловых людей пятилетний план — это еще одна русская химера, сотканная из дыма печной трубы...»

Так упражнялся в остроумии по поводу первой советской пятилетки Брюс Хоппер на страницах журнала «Форин афферс» в 1930 году. Времена меняются, меняются и предсказания. Теперь по поводу нашей семилетки столпы буржуазной прессы говорят иначе.

«Нет никаких веских оснований сомневаться в том, что Советский Союз будет и впредь совершать большие скачки вперед. Если мы не начнем пошевеливаться, он, несомненно, догонит нас и даже, возможно, перегонит... В конечном счете, вызов, брошенный нам, гораздо страшнее, чем нам хотелось бы думать!» — панически восклицает постоянный обозреватель журнала «Ньюсуик» Линдли.

Как видим, сегодняшние «специалисты по русскому вопросу» уже не отваживаются распространяться о «дыме печной трубы». В этом смысле они сами вылетели в трубу.

МЕЙ ПУГАЕТ, А НАМ СМЕШНО

ТАК много написано всякой антисоветской всячины, что очень трудно быть в этой области оригинальным. И все-таки американскому журналисту Джону Мею удалось поразить мир свежестью мысли. Он опубликовал в газете «Крисчен сайенс монитор» статью «Чулки и товарищи», которая начинается так:

«Создается впечатление, что советский экономический вызов (так Мей называет нашу семилетку) волнует некоторых больше, чем любое другое событие. Лично я не вижу причин, почему мы должны волноваться. Волноваться должны, во-первых, советские граждане, во-вторых, коммунисты».

Далее Мей объясняет, почему советские граждане и коммунисты должны волноваться. Представьте себе, пишет он, что в Советском Союзе будет достигнуто изобилие, скажем, нейлоновых чулок. Возникнут, по Мею, серьезнейшие трудности. Куда девать чулки? Автор предлагает три выхода из сочиненного им самим затруднительного положения:

1. Закрывать фабрики и выбросить рабочих на улицу.

2. Переоборудовать чулочные фабрики в заводы другого профиля, например, в комбинаты по изготовлению сухого беф-строганова.

3. Навязать гражданам чулки в приказном порядке».

Второй и третий выходы, продолжает Мей, совсем не выходы. Наступит момент, когда всего будет вдоволь, переоборудовать фабрики будет уже не во что, а «Указ об обязательной покупке чулок» придется дополнить «Указом об обязательном поедании беф-строганова», «Указом об обязательной покупке радиоприемника раз в два месяца» и так далее до бесконечности.

Стройте, стройте заводы, пугает нас Мей, и вы познакомитесь с кризисами перепроизводства и с безработицей.

Он пугает, а нам смешно.

Мей «немножко» напутал. Он взялся мерить социализм на свой капиталистический аршин.

Остается надеяться, мистер Мей, что вы и впредь будете писать столь же комичные статьи о Советском Союзе, регулярно поставляя тем самым ценный юмористический материал для Крокодила.

В благодарность же за веселые минуты, доставленные нашим читателям, Крокодил приглашает вас, мистер Мей, приехать в СССР в 1965 году и поискать кризис перепроизводства. Заранее извиняемся, если не найдете.

До скорого свидания.
КРОКОДИЛ.

Рисунок Иржи КОТОУЧЕКА (Чехословакия).

— ...И организовать немедленно курсы по изучению русского языка!

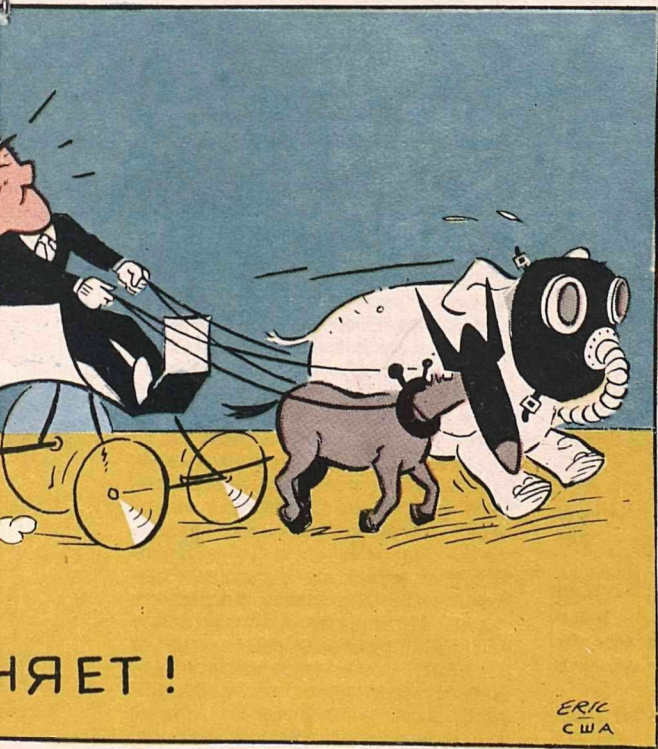
Вася-Востанька.

Извинившись перед слушателями, Паколев вскрыл конверт. Затем, побледнев, обратился к залу:

— Мой друг Симушин не сможет выступить перед вами. Видите ли, там, на Луне, он влюбился. Когда я читал единственную строчку его послания, он был уже на расстоянии восьмидесяти тысяч километров от Земли. Вот эта строчка.

И Паколев прочел:
— «Не могу жить без Лооды! Возвращаюсь».

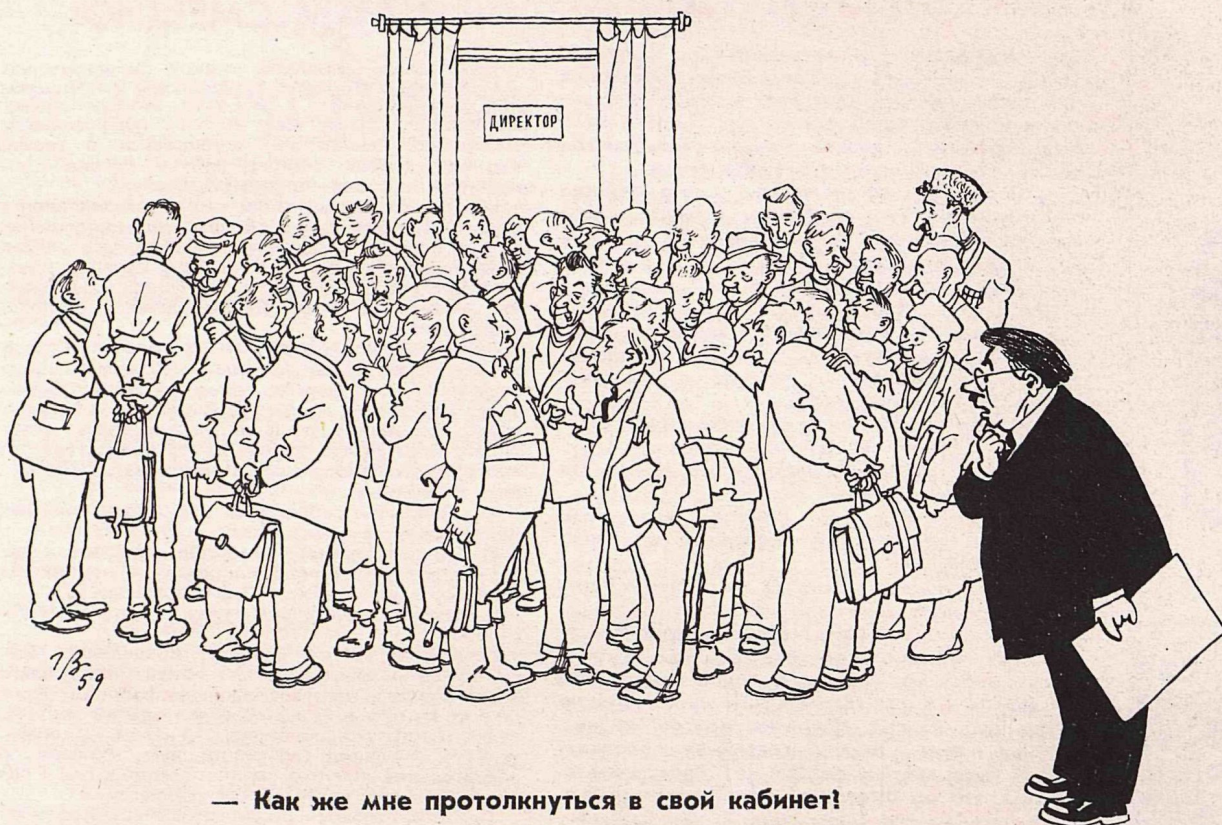
г. Будапешт.

...НЯЕТ!

ERIC
США

— Как же мне протолкнуться в свой кабинет!

ЗА КРОКОДИЛЬСКИЙ МИЛЛИАРД!

Беседа с заместителем председателя Госплана СССР В. П. ЗОТОВЫМ

Судовольствием прочел, дорогой Крокодил, на твоих страницах, что ты объявил себя шефом экономии и борьбы за снижение себестоимости продукции.

Работы тебе предстоит поистине непочатый край. Конечно, трудно наметить контрольную цифру количества бюрократов и расточителей, которых ты разоблачишь за семь лет. Но ты можешь смело взять на себя и некоторые конкретные обязательства. К примеру, помочь сэкономить сверх всяких планов, ну, скажем, один миллиард рублей.

Каким образом? А вот каким. У тебя есть тысячи активистов на предприятиях, миллионы читателей. Если из этой многомиллионной армии хотя бы десятая часть поразмыслит как следует и поможет своему предприятию сэкономить несколько тысяч рублей, — вот тебе и крокодильский миллиард!

Как твой читатель и почитатель, вношу первую лепту в фонд крокодильской экономии.

Наш ученый селекционер В. С. Пустовойт повысил содержание масла в подсолнечнике с тридцати до пятидесяти трех процентов! Он заставил всю корневую систему и листья растений работать так, что оболочка семечка стала гораздо тоньше, а масляное ядро значительно увеличилось. Благодаря его опытам наши селекционеры, работники сельского хозяйства и промышленности подняли выход масла на восемь процентов. То есть дали стране за послевоенные годы еще три миллиарда рублей.

А вот в Куйбышевской области к подсолнечнику относятся пренебрежительно. Урожай его здесь в два с половиной раза ниже средней цифры по РСФСР. В зоне Поволжья куйбышевцы находятся на последнем месте и по урожайности и по содержанию масла в семенах.

И вот результат: только в прошлом году недополучено свыше двенадцати миллионов рублей.

Сделай милость, поинтересуйся у начальника Куйбышевского областного управления сельского хозяйства тов. Бузаева, когда уважаемый Николай Семенович собирается вернуть государству эти деньги и каким путем.

Если даже растение можно заставить перестроиться, то людям перестроиться куда легче. За такой «селекцией» должны следить крокодильские посты в колхозах, совхозах.

Если ученый добился, чтобы оболочка семечка стала тоньше, то нельзя ли потоньше и повнимательнее относиться к подсолнечнику? Пусть соответствующие товарищи повернутся к нему лицом, точно так же, как подсолнечник всегда поворачивается к солнцу.

Побольше тепла этому полезнейшему растению — и дело пойдет как по маслу!

Советую тебе заинтересоваться и такой проблемой: Киргизия издавна славится свекловодством, она дает самые высокие в стране урожаи сахарной свеклы. К сожалению, сахаристость киргизской свеклы за последние годы значительно снизилась. Оказывается, киргизские товарищи чересчур увлекаются обильными предуборочными поливами этой культуры.

Веса в свекле получается много, а сладости маловато!

Вспомните, товарищи из Киргизии: в 1940 году при таких же урожаях сахаристость свеклы была у вас выше на 30 процентов. И если бы вы ее сохранили, то дали бы за текущий сезон дополнительно 40 тысяч тонн сахара!

Надо бы над этой совсем не сладкой цифрой серьезно призадуматься министру сельского хозяйства Киргизской ССР тов. Т. Исакову.

Займись, дорогой Крокодил, этими вопросами. И не только теми, что касаются сельского хозяйства. Собирай средства в свой миллиард.

Итоги нужно будет подводить по каждому номеру, подсчитав конкретно, сколько денег сэкономил каждое твоё выступление.

Потом специальный бухгалтер перещелкает на счетах эти цифры...

Впрочем, я увлекся... Никакого специального бухгалтера не нужно. Сократим его сразу, еще не зачислив в штат.

Можно подсчитать самим, в порядке бесплатного совместительства.

Из всех архитектурно-строительных деталей управляющему Оленегорским рудоуправлением Мурманского совнархоза В. П. Ананьеву больше всего нравятся окна. Но не окна вообще, а только те, откуда время от времени чья-то рука протягивает лист бумаги, именуемый «раздаточной ведомостью на выдачу единовременных денежных пособий».

Минутная пауза, заполненная сладостным шуршанием денежных купюр, — и товарищ Ананьев энергично шагает в свой кабинет, нежно ощущивая расплывшийся бумажник.

Проходит немного времени. Управляющий рудоуправлением вновь испытывает неодолимую тягу к кассовому окну. Привычно выполняются знакомые формальности: пишется на имя начальника Управления горнометаллургической промышленности совнархоза товарища Васина слезница о тяжелом материальном положении.

Сердце товарища Васина отзывчиво: не может же Ананьев существовать на какие-то десять тысяч рублей в месяц, которые складываются из его основного оклада, полярных надбавок и ежемесячных премий!

Результаты? Они весьма ощутимы: за пятнадцать месяцев Ананьев расписался в получении более двадцати семи тысяч рублей, выданных на «бедность» сердобольным товарищем Васиным.

Любовь к кассовому окну присуща и руководителям треста «Кольстрой». Управляющий трестом товарищ Пестров получил в 1957 году премий девятнадцать тысяч рублей, а главный инженер товарищ Маньковский — шестнадцать тысяч. Кроме этого, руководители совнархоза выдали им крупные премии по итогам работы за 1957 год.

Чем же руководители треста заслужили столь щедрое поощрение?

На этот вопрос мы находим ответ в приказе «Об итогах работы треста «Кольстрой» за 1957 год». Судя по этому документу, результаты работы упомянутых руководителей должны наталкивать на мысль отнюдь не о премиях, а, скорее, о... выговорах. Если придерживаться фактов, то распоряжения о премировании должны были выглядеть примерно так:

«...Руководители треста «Кольстрой» тов. Пестров и Маньковский в 1957 году добились больших успехов. Ими достигнуто значительное недовыполнение плана строительно-монтажных работ по основным заказам, а также имеются большие сдвиги, в результате которых трест не выполнил задания по производительности труда. Приложив значительные усилия, руководители треста добились серьезных потерь рабочего времени и достигли перерасхода заработной платы более чем на миллион рублей.

В ПОЛУЧЕНИИ!

Заслуживают особого поощрения имеющие по тресту сверхплановые убытки на сумму свыше двух с половиной миллионов рублей и допущенные приписки к отчетности на сумму более одного миллиона двухсот тысяч рублей...

...На основании изложенного объявить тт. Пестрову и Маньковскому об их... премировании».

Стремлению «расписаться в получении» подвержены и обитатели Юга. До сих пор считалось, что премии за перевыполнение планов добычи угля положены лишь тем, кто непосредственно занят на этой работе. Однако поучительный опыт комбината «Ростовуголь» опровергает эту точку зрения.

Оказывается, что добыча угля находится в прямой зависимости, например, от юрисконсульта комбината тов. Бабича, который в минувшем году был премирован девять раз, в том числе шесть раз «за выполнение планов добычи, а также погрузки угля». Интересно, чем добывал уголь уважаемый товарищ Бабич: отбойной самопишущей ручкой или самоходным красным карандашом?

За эти же показатели было выплачено четыре тысячи двести рублей премиальных старшему бухгалтеру административно-хозяйственного отдела Н. П. Щигореву, который так же причастен к добыче угля, как, например, к забоям тюленей в Ледовитом океане или отлову тигров в уссурийской тайге.

— Не скрывают своего тяготения к кассовым окошечкам и работники аппарата Центросоюза. За выполнение и перевыполнение плана товарооборота здесь премируются не только сотрудники клуба, но и деятели жилищного отдела и даже персонал ведомственной поликлиники.

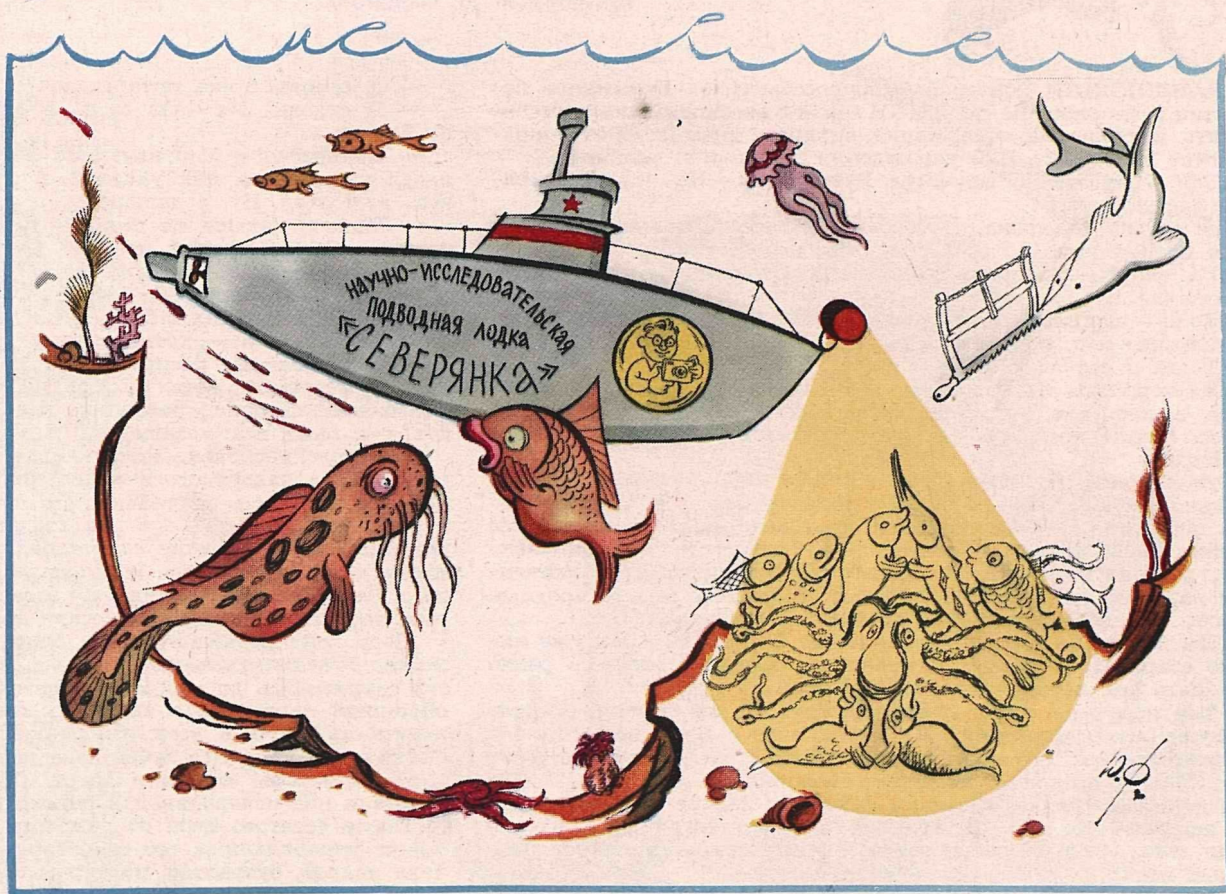
— Позвольте,— скажет читатель,— как может работник поликлиники влиять на выполнение плана товарооборота?

— Может! — твердо ответят вам в Центросоюзе.— Заболел, скажем, у продавца зуб. Стоит этот работник у прилавка, непроизвольно держится правой рукой за щеку, и только левая рука принимает участие в выполнении плана. Но вот ему в поликлинике вырывают зуб. И низовой работник действует теперь уже двумя руками, что резко сказывается на производительности труда...

Вы скажете — шутка. Может быть. Но триста тысяч рублей премиальных, выплаченных менее чем за два года работникам Центросоюза, не имеющих никакого отношения к деятельности торговых и производственных предприятий, — это уже не шутка!

И совсем не в шутку мы адресуем этот фельетон всем любителям незаслуженных премий. Распишитесь в получении!

В. АЛЕНИН

— Сейчас будут нас снимать для кино, а ты небритый!

Добрые дяди

Хотя у нас и нет подтверждающих документов, мы берем на себя смелость утверждать, что товарищ Казаченко, бывший директор Ждановского завода имени Ильича, а ныне ответственный сотрудник Сталинского совнархоза более или менее регулярно читает газеты.

А читая газеты, он, должно быть, встречал фельетоны, в которых описывается, как отдельные несознательные родители портят своих потомков, с самого юного возраста приучая их к премиальной системе.

Мы так и видим товарища Казаченко, когда он, преисполненный гражданского негодования, потрясает газетным листом и говорит жене:

— Нет, ты только послушай, как можно калечить детей! Платить ребенку по десятке за каждую хорошую отметку, по пять рублей за каждую ложку рыбьего жира, покупать подарки за хорошее поведение — да это же чудовищно! Это же значит воспитывать хапуг и бездельников! Черт знает что такое!

Выразив таким образом свое законное возмущение, товарищ Казаченко отправляется на работу и там — и это уже не предположение, а факт — расписывается в получении премий.

Конечно, товарищу Казаченко премии платят не за питье рыбьего жира. Если он его и пьет, то вышестоящие началь-

ники на это никак не реагируют. Но, тем не менее, его премируют по той же самой методе.

За пять месяцев прошлого года товарищ Казаченко получил 26 307 рублей премий только за то, что ему полагалось делать по служебным обязанностям: за выполнение производственного плана, за ввод в эксплуатацию жилой площади, за внедрение новой техники, за выполнение отдельных заказов.

Ведь за все это товарищ Казаченко получает немалый оклад — 6 тысяч рублей в месяц!

Мы не собираемся сравнивать бывшего директора Ждановского завода с капризным и избалованным ребенком, получающим по десятке за хорошую отметку в дневнике. Для этого у нас нет никаких оснований. Но вот тех руководителей, которые осыпают бессмысленным и ненужным премиальным дождем своих великовозрастных чад — подчиненных, — не сравнить с фельетонными родителями нельзя.

Именно эти добрые (за государственный счет) папы выплачивали за одиннадцать месяцев прошлого года начальнику стройуправления № 4 треста «Сталиншахтопроходка» товарищу Рябкину почти 64 тысячи рублей! Без малого по 6 тысяч рублей в месяц сверх

оклада! И это несмотря на то, что рабочих в стройуправлении на 37 процентов больше, чем полагается, и план здесь выполняют не столько умением, сколько числом.

А попробуйте поговорить с теми, из чьих рук идет премиальный дождь, вернее, ливень!

— Да мы что, — разводят они руками, — мы бы и рады не премировать, да нельзя, инструкции не позволяют. У нас, в Управлении машиностроения Сталинского совнархоза, действуют целых 14 инструкций о премировании. Что человек ни сделает, за все можно премию выплатить. На Сталинском, Горловском, Торецком и Ясиноватском машиностроительных заводах платят премии за своевременное обеспечение рабочего места материалами и инструментами. На Чистяковском электромеханическом заводе премируют даже за хорошую трудовую дисциплину.

Хорошо хоть, что пока не выдают премий за появление на работе в трезвом виде и за воздержание от нецензурных выражений!..

***

Мы не против премий вообще. Мы лишь за действительно заслуженные премии. Например, за премию тому, кто раз и навсегда наведет порядок в премиальных делах.

В. ГИЛЕВ,
З. ЮРЬЕВ

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Иллюстрации Ю. ФЕДОРОВА.

УПРАВЛЯЮЩИЙ конторой «Облспросбытснаб» Буженинов получил распоряжение сверху: «В связи с необходимостью уменьшить расходы на содержание аппарата предлагается сократить штат вверенного Вам учреждения на 1 (одну) единицу».

— Уф! — облегченно вздохнул Буженинов. — Не такие сокращения переживали!

Сняв трубку телефона, он сообщил новость начальнику отдела кадров Степанчук.

— На одну?! — радостно воскликнул Степанчук. — Это шутя. Вот хотя бы...

— Тс-с! — зашипел Буженинов. — Никаких предложений! А то еще услышит кто, и начнется паника...

— Тогда я сейчас к вам...

— Не торопись, не надо. Если начальник с кадровиком запираются в кабинете, это у подчиненных вызывает нездоровый интерес. Лучше после работы вместе пойдем домой и по дороге все обсудим.

...Буженинов и Степанчук неторопливо шли по городу. Погода настолько располагала к отдыху, что в сквере собеседники решили посидеть. Свободное место оказалось найти нелегко: все скамейки были заняты пенсионерами. Одни читали приключенческие романы из серии «Воениздата», другие питались захваченными из дому бутербродами, третьи обсуждали международные вопросы, четвертые увлеченно сражались в шахматы.

— Им хорошо! — завистливо произнес Степанчук. — Их уже никто не сократит. А мне до пенсионного возраста осталось ровно пятнадцать лет, четыре месяца и три дня...

— Так кого же... того... предупреждать за две недели? — спросил Буженинов, опустившись на скамейку. — Всех перебрал — и все вроде нужны. Изучение спроса, сбыта и снабжения не фунт дым! Сколько в нашем совнархозе предприятий, и с каждым надо связь держать, сводки и заявки собирать, вверх посылать! Так кого же все-таки, а? — Буженинов закурил сигарету и пустил кольцо дыма. Кольцо разорвалось и стало похожим на вопросительный знак.

— Ничего затруднительного не вижу, — заметил Степанчук. — Сократим курьера. Тетю Дусю. Вот и все. Повестка дня исчерпана.

Степанчук был человеком находчивым, решения принимал быстро, и в его устах они звучали убедительно, как аксиомы.

— Молодец! — выдержав некоторую паузу, ответил Буженинов. — Выход простой и безболезненный...

Буженинов выпустил три шарика дыма, и они повисли в воздухе, как многоотчие.

— Ну, что? По домам? — предложил управляющий.

Он хотел было встать, но, обернувшись к Степанчуку, увидел, что лицо его собеседника сильно побледнело...

— Что с тобой? Что?

— Цеп... цепная реакция получается, — пробормотал начкадрами. — Смотрите!

Степанчук нагнулся, поднял прут и набросал им на песок схему конторы: сверху — дирекция, затем от нее, словно рожденные почкованием, канцелярия, отдел спроса, отдел сбыта, бухгалтерия, отдел кадров, машинописное бюро и прочие.

— Не понимаю, — сказал Буженинов, посмотрев на чертеж. — Где же цепная реакция?

— А вот тут, — ткнул прутком в самую крайнюю точку схемы Степанчук. — Мы сокращаем тетю Дусю. Но раз курьера нет, то зачем экспедитор? Ведь экспедитор принимает у курьера конверты или передает их; отвечает за разносную книгу, с которой бегает курьер; контролирует его трудовую дисциплину; следит, чтобы тот весь день был на ногах и не заходил к знакомым на чай.

— Ты что, и экспедитора хочешь... того? — спросил Буженинов. — Ну, давай дальше.

— Дальше хуже. Раз нет курьера и экспедитора, к чему начальник канцелярии? Начальник канцелярии выдает экспедитору разносные книги, снабжает его конвертами и бланками, требует от него четкой и оперативной работы. Если мы увольняем курьера и экспедитора, в канцелярии остаются только две секретарши: ваша и вашего заместителя. Они и без начальника обойдутся. Одна будет за старшую...

Буженинов начинал нервничать. Не докурив до конца сигарету, он через плечо кинул ее на газон и зажег новую; дым повалил от него, как из трубы.

— А кто же будет обеспечивать машбюро канцбумпринадлежностями? — спросил он. — Ведь это тоже входило в обязанности начальника канцелярии...

— Прежде, чем отвечать на этот вопрос, я задам вам другой: нужно ли вообще нам машбюро: Зиночка, Линочка, Клавочка и Вавочка? Ведь чем они занимаются? Пишут бумаги, которые отдел спроса адресует в отдел сбыта; переписывают сводки, которые отдел сбыта направляет в отдел спроса... Внутренняя переписка. Если машбюро исчезнет, переписка прекратится...

— А отделы тоже прекратятся?

— И отделы. Их надо слить в один. Сам себе письма писать не будешь...

— Интересно! — Управляющий взял с земли другой прут и начал тыкать им, как указкой, в схему на песке. — Упразднили весь этот угол. Ну, а дальше?

— Может, дальше не стоит? — неожиданно предложил Степанчук. — Может, домой пойдем? Сами понимаем: если так рассуждать будем, не известно, до чего дойдем...

— Что за разговоры! — возмутился Буженинов, гневно дымя сигаретой. — Надкусил и бросил, так? Нет уж, кусай до конца!

— Пожалуйста, — охотно вильнул прутком Степанчук.

Цепная реакция распространялась со страшной силой. Одна за другой отсекались ветви иерархического древа. Штат распался. Освобождение одного работника влекло за собой увольнение других: они были взаимозависимы и давали работу друг другу.

...Исчезло несколько начальников — уменьшилось число шоферов. Отпала надобность в начальнике гаража. Количество работников сократилось настолько, что не было надобности содержать в бухгалтерии счетоводов. На глазах усох отдел кадров, понесся тяжелые потери в лице заместителя начальника и двух инспекторов. Освободились все комнаты первого этажа и половина второго. Это повлекло ликвидацию штатных единиц коменданта здания, дворника, вахтера и слесаря по сейфам.

Поскольку выяснилось, что вопросы изучения спроса и сбыта можно объединить в одном отделе, то и масштабы его деятельности сократились до микроскопических размеров: отпала нужда в обширной переписке и широких согласованиях. Возникла необходимость уволить всех работников отдела, кроме заведующего. Тогда встал вопрос: а зачем заведующий?

Реформаторы вошли в азарт. Прутики, как карающие мечи, взлетали над исчерченной и перекрещенной схемой конторы.

После десятого тура от разгрома уцелело всего несколько человек: управляющий, его секретарша, заместитель, начальник отдела кадров, бухгалтер, кассир и шофер. Но и в этом потрепанном составе контора существовала недолго. На семь человек иметь бухгалтера — слишком жирно. Пусть все делает один кассир. Остаются шесть. А разве заместитель при шести строго необходим? Явно штатное излишество. Секретарша — тоже излишество. Кого она будет вызывать к управляющему? Шофера? Кстати, такой малочисленной организации машину иметь все равно не разрешат...

Значит, кассир будет заботиться о личном бюджете только двух единиц: управляющего и начальника отдела кадров.

— Он, собственно, и не нужен уже, — заключил Степанчук. — Нас могут прикрепить к совнархозу, и зарплату мы будем получать там.

Это предложение вызвало такой смех у Буженинова, что он чуть не подавился дымом, и из глаз его потекли слезы, большие, частые, словно рассчитанные на киносъемку.

— Степанчук, дорогуша, кто это мы? Ты-то тут к чему?

— Как? Вы мой кадр...

— Какой я твой? Я номенклатура. Чудак! Не ты же меня подбираешь! Ха-ха! Мистификатор пал жертвой мистификации.

— А что вы смеетесь, товарищ Буженинов? — мстительно сказал начкадрами. — Из всего штата сохранились только вы, управляющий. Чем же вы будете управлять? Генерал без армии... Единственно, что вы должны будете делать, — это ездить, собирать сводки, заявки и отвозить их выше...

Глаза Буженинова стали стеклянными. От растерянности он уронил сигарету на колени, и брюки его задымились.

— Как? — сказал он тоном беззащитного и обездоленного существа. — Я теперь тетя Дуся? Нет, тетю Дусю надо восстановить!

— Тогда вы не нужны!.. И вывеска конторы не нужна! Курьера можно просто передать в совнархоз... Я же предупреждал! Я же говорил, что из этого получится!

Степанчук сломал прут и отбросил его подальше. Потом старательно затер башмаком схему конторы. Конторы больше не было. Был чистый, ровный песок...

Буженинов опасливо огляделся по сторонам: не подслушивали ли кто их горячий разговор?

Но пенсионеры безмятежно сидели на своих местах. Те, кто прежде питался, теперь обсуждали международную политику, а те, кто раньше обсуждал, теперь питались. А шахматисты по-прежнему были погружены в свои клетчатые черно-белые мысли.

— Так как же насчет тети Дуси? — нарушил молчание Степанчук.

— Никого не сокращать! — металлическим голосом сказал Буженинов. — Ни единого винтика! Контора работает, как механизм, и пусть работает. Мы не позволим разрушать наш передовой коллектив! Ясно? И заготовь бумагу: ни одной штатной единицы не уступлю! Буду биться, как лев! Да, как лев!

ДИРЕКТИВНЫЙ СТОЛ

ПОЧЕМУ НЕ ХВАТИЛО СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ?

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

КОНЕЧНО, всякие бывают столы. Например, кухонные, канцелярские, лабораторные... А вот о директивных столах что-то не было слышно.

Но, оказывается, такой есть.

Вот он стоит, как величественный монумент: длина — четыре метра, ширина — метр и десять сантиметров, на трех тумбах. Каждая тумба — массивное четырехгранное сооружение с замысловатыми вырезами, изгибами, шишечками.

А как отполирована поверхность! Зеркало, да и только! Сиди и контролируй выражение своего лица, когда с тобой разговаривает важный посетитель. Особенно же стол необходим, когда надо подкинуть кому-нибудь очередную директиву. Вызовешь, к примеру, плановика, дашь ему задачку и смотри, как реагирует. Если изображение в зеркале покажется кислым, значит, не жди добра, дело будет провалено. А если сияние появится, тут уж будь уверен, в лепешку расшибется, а выполнит, подлец! Одним словом, такой стол — штука незаменимая!

Кого же надо благодарить за появление на свет этого чуда столярного искусства? Валея Газизовича и Габбаса Фаттаховича. Но что могли бы они сделать без благословения и мощной поддержки вышестоящего начальства?

Представьте себе лучезарное июньское утро. Простые смертные еще только глаза со сна протирают, а начальник АХО Татарского совнархоза Валея Газизович Галкин и его заместитель Габбас Фаттахович Бадамшин уже на службе. Они ревниво следят за тем, как уборщицы смахивают пыль с пудовых многоламповых люстр и расстилают добротные узорчатые ковры, внушающие благоговейный трепет. Вот Галкин и Бадамшин заходят в кабинет председателя Татсовнархоза Алексея Тихоновича Шмарева. Валея Газизович бросает озабоченный взгляд по сторонам и вдруг, осененный внезапной догадкой, восклицает:

— Ясно! Теперь я понимаю, почему Алексей Тихонович в прошлый раз так сердито посмотрел на меня. Шляпы мы, а не хозяйственники! Сам посудите: у заместителя, Анатолия Аркадьевича, в кабинете гарнитур, у другого заместителя, Рашида Мусиновича, гарнитур, а здесь недоглядели. Вся мебель из красного дерева, и — на тебе: вульгарный дубовый стол. Пугало какое-то!

— Именно! — скорбно молвил Бадамшин. — Явный подрыв авторитета.

Тут-то у Валея Газизовича и блеснула идея: создать стол-уникум. Согласовать эту идею с начальством не представило особого труда. Но одно дело — задумать, а другое — осуществить. Нужен проект! Да, да! Специальный проект. Не полагаться же на стандартное воображение мебельщиков!

На помощь товарищам Галкину и Бадамшину не замедлил прийти инженер-архитектор отдела капитального строительства совнархоза Тимербулатов. Несколько дней и ночей священнодействовал он над большим листом ватмана, делая скрупулезные расчеты, вычерчивая всевозможные фигуры.

Вскоре заместитель начальника АХО торжественно вручил чертеж директору мебельной фабрики «15-я годовщина Октября»:

— Вам, товарищ Сафин, боевое задание! Всю остальную работу побоку. Надо проникнуться, так сказать, сознанием ответственности...

Однако тов. Сафин почему-то не проникся и стал ссылаться на государственный план. Но с помощью Управления мебельной и деревообрабатывающей промышленности при Совете Министров ТАССР строптивного директора быстро уломали. Начальник Управления тов. Владимир урезонил директора:

— Не будь отсталым человеком, Сафин, уясни, голубчик! Этот стол особый. Если так можно выразиться, директивный стол.

И Сафин «уяснил». Были мобилизованы лучшие специалисты-мебельщики. Рабочие столярного цеха в спешном порядке рас-

чищали место для будущего уникама. Снабженцев переключили на поиски специальных сортов политуры.

В конторе то и дело раздавались телефонные звонки:

— Приложите всю энергию!

— Нажимайте!

И вот спустя два с половиной месяца, в конце ноября, перед Бадамшиным предстал во всей своей красе этот неповторимый, единственный в своем роде стол — гигант на трех тумбах...

Габбас Фаттахович восхищенно прошептал:

— Блеск! Сейчас же доложу товарищу Галкину, а он по инстанции — выше.

Шли дни, недели. Но что-то на фабрику из совнархоза больше никто не звонил.

В чем дело? Сафин решил поинтересоваться сам:

— Почему, товарищ Галкин, стол не берете?

— Какой стол?

— Ну тот самый, что заказывали

— А-а-а! — протянул Галкин. — Мы тут по-

советовались и решили: куда нам его? Совнархоз не музей ведь!

— Позвольте! А мне с ним что делать? Людей, можно сказать, от дела оторвал, двадцать шифоньеров недодал...

Но в совнархозе уже повесили трубку.

Дошло до совнархозовцев, что теперь за излишества по головке не гладят, и они спланировали потихоньку чудесное изделие заместителю начальника нефтеуправления Татсовнархоза тов. Петрову. А тот распорядился передать уникальный стол в «дар» Азнакаевскому клубу нефтяников. Но и клубу не с руки держать его. Хлопочут теперь работники клуба, спрашивают:

— Нет ли среди ваших знакомых любителей директивного стола?

В самом деле, может быть, найдется такой? Тем более, что и цена столу-уникуму подходящая: девять тысяч триста пятьдесят рублей.

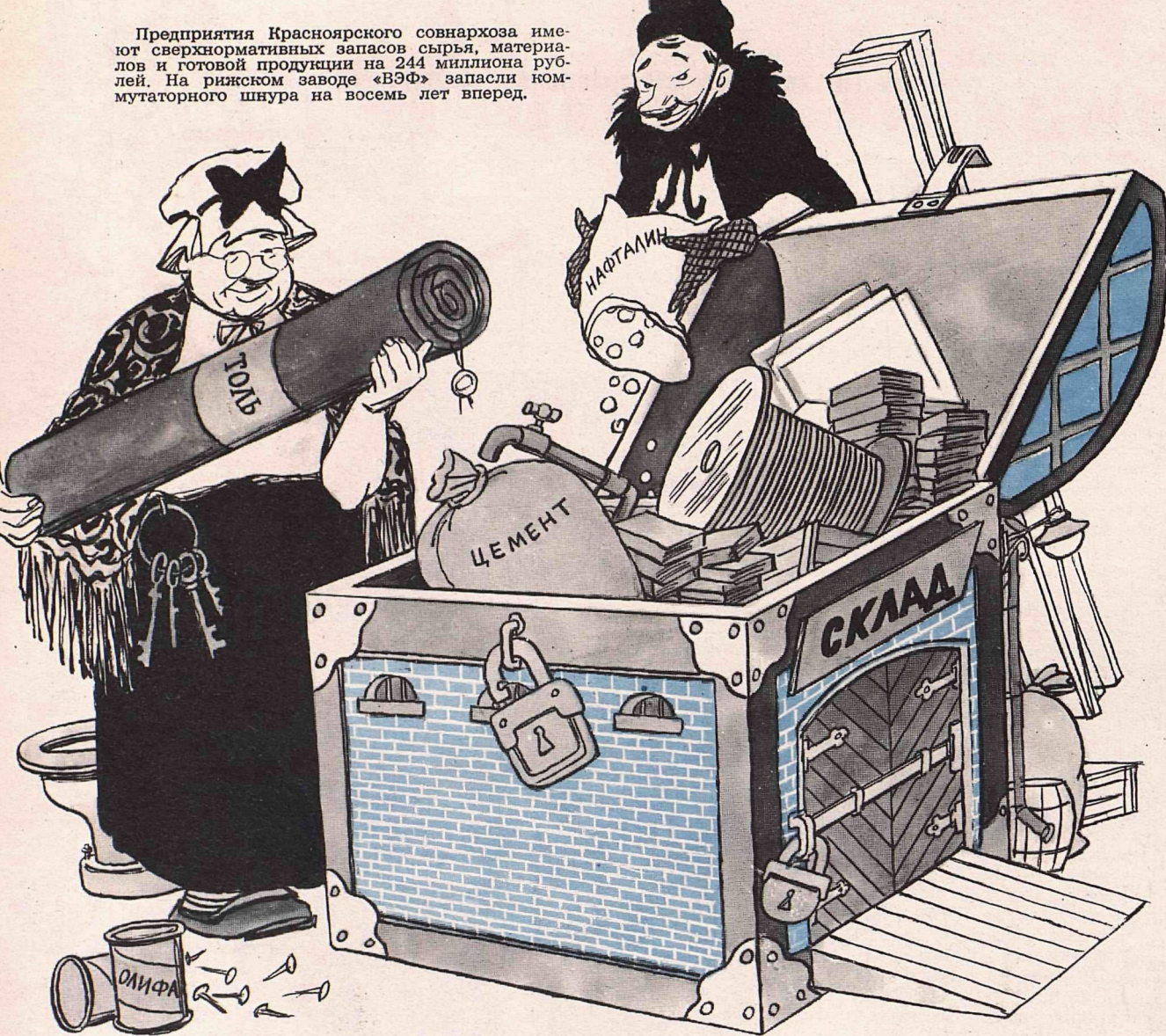
**Р. ВАЛЕЕВ,
М. ОЗЕРОВ**

г. Казань.

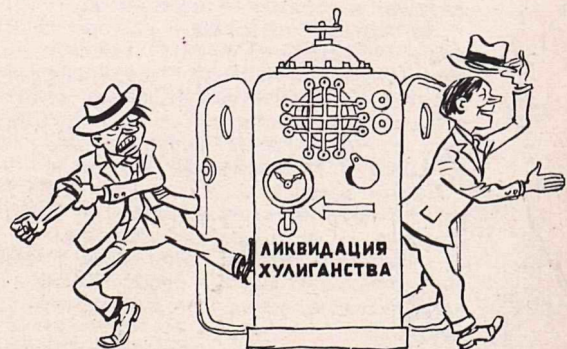

Предприятия Красноярского совнархоза имеют сверхнормативных запасов сырья, материалов и готовой продукции на 244 миллиона рублей. На рижском заводе «ВЭФ» запасли коммутаторного шнура на восемь лет вперед.

КИБЕРНЕТИКА БУДУЩЕГО

Скопидомы.

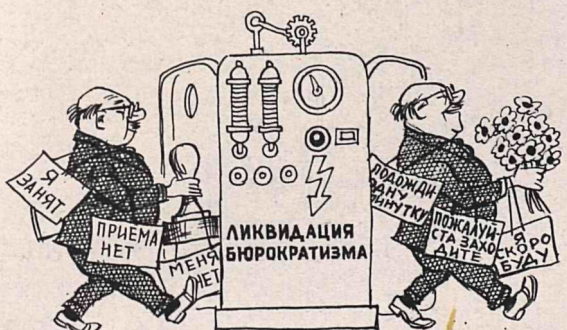
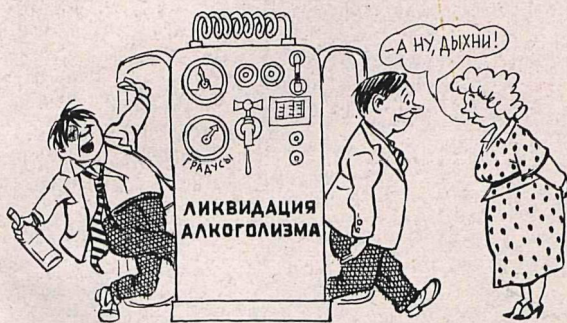
— Поищу-ка я здесь для себя юмористов!

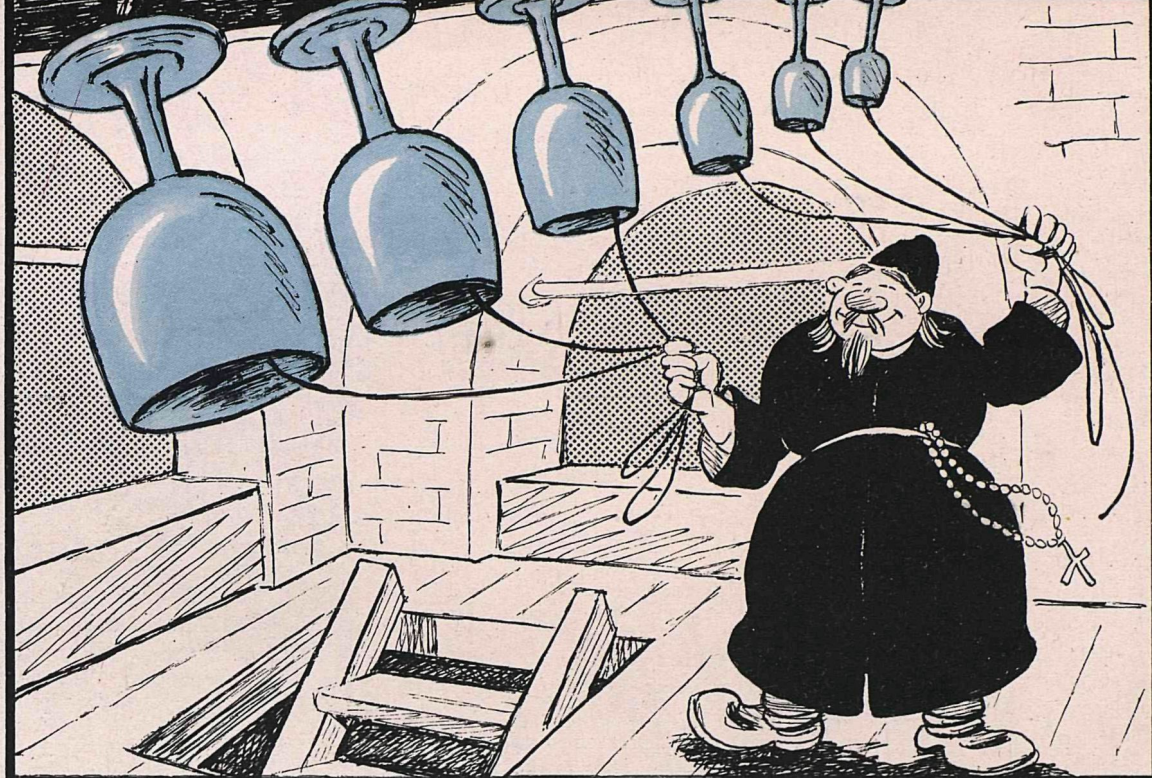
Не терпится...

На 14-й и 15-й страницах рисунки художников: Бориса ЛЕО, Зефа БУМЧИ (Албания), Гр. ОГАНОВА (г. Баку), И. СЕМЕНОВА, И. СЫЧЕВА, Б. БЕРЗИНЬША (г. Рига), Г. ПИРЦХАЛАВА (г. Тбилиси), М. УШАЦА.

Неисправимый индивидуум.

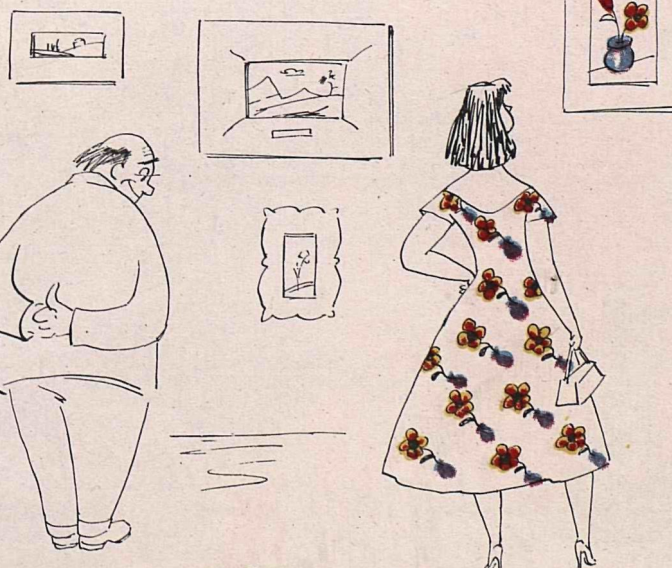

Церковные праздники зачастую являются поводом для пьянства.

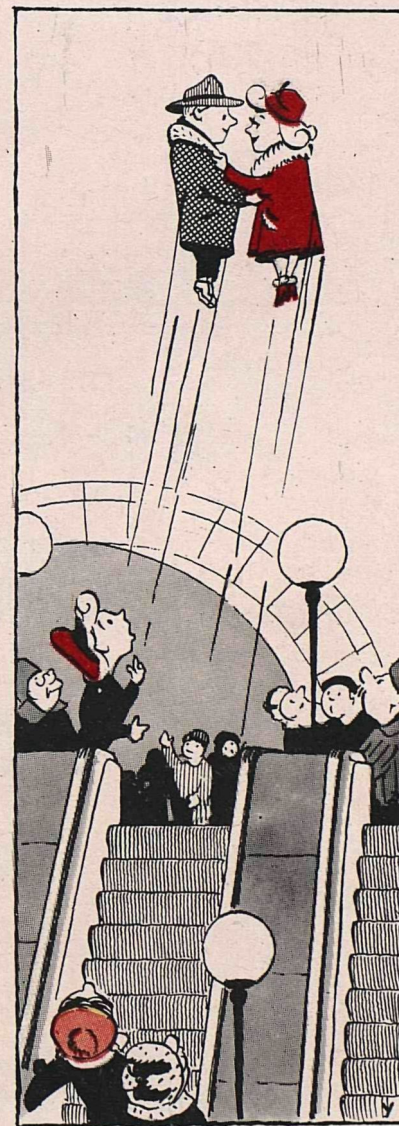
Вечерний звон.

— Кто сказал, что я люблю подхалимов!!

Любители цветов.

Заговорились.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 00618. Изд. № 126. Подписано к печати 19/1 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Заказ № 104. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

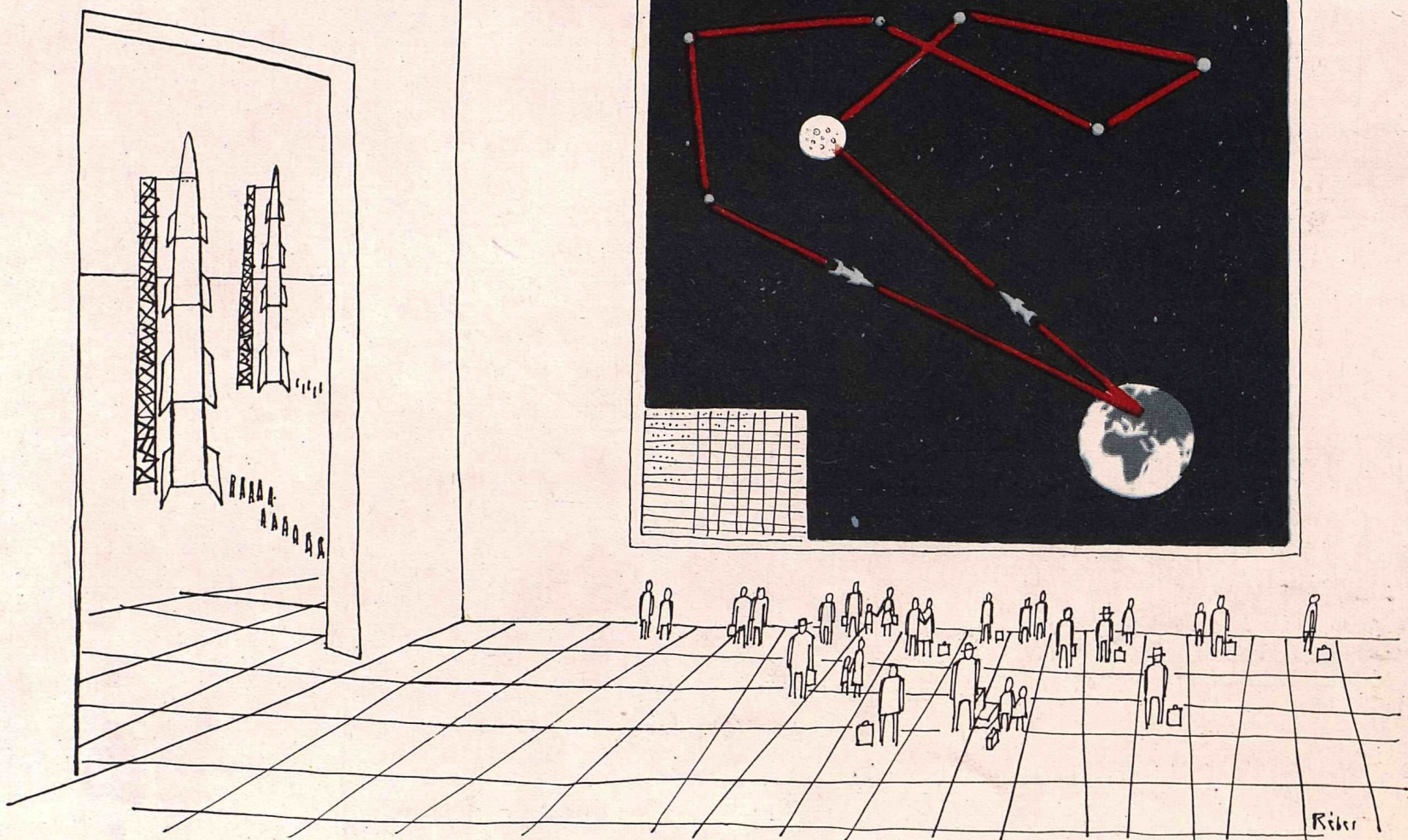

1965 год...

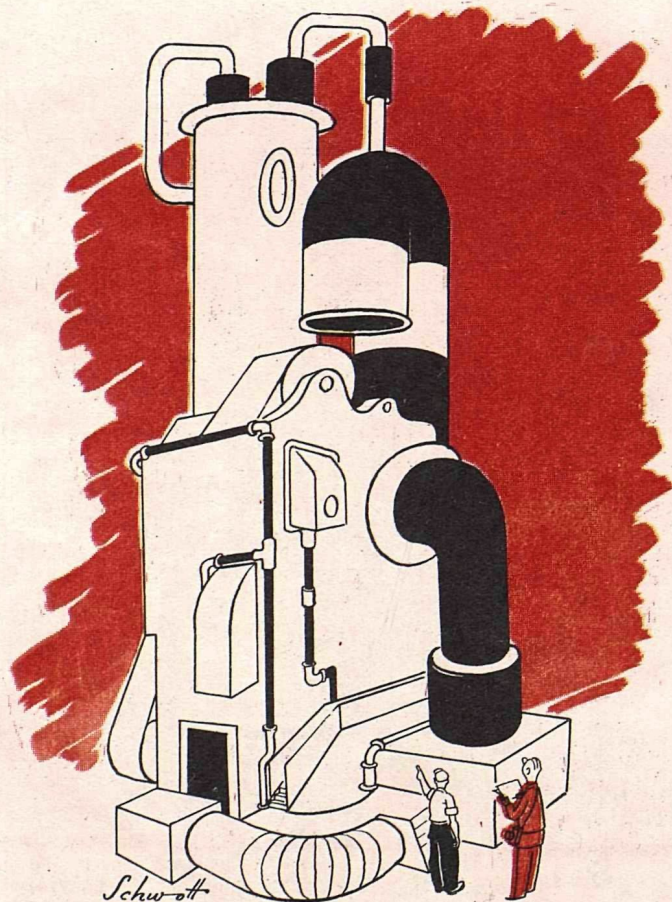
Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземп.
1959 г.

3028 жс

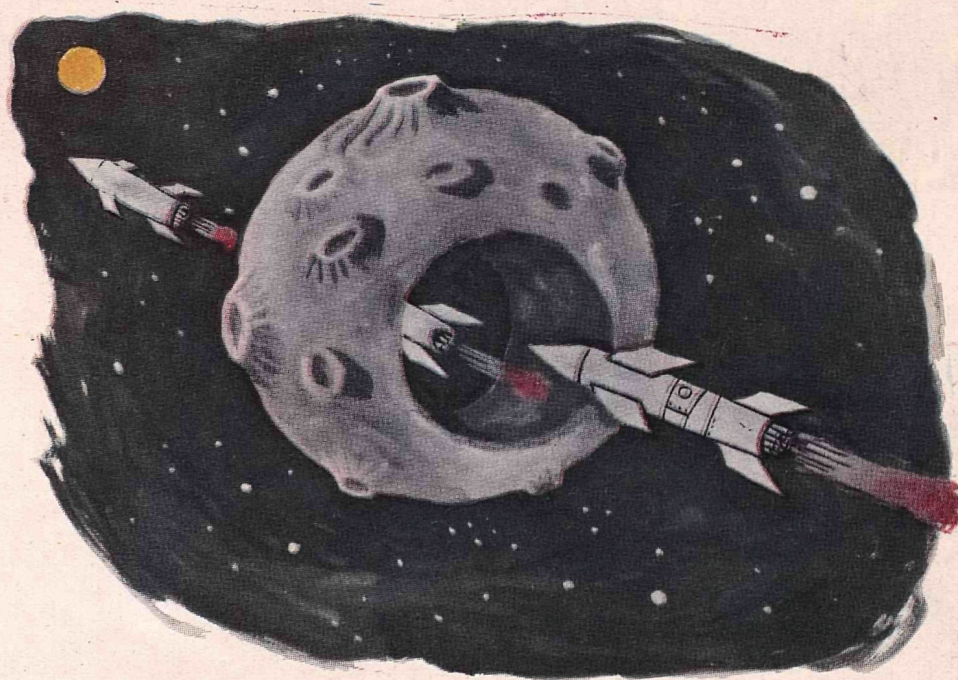
30 ЯНВ 1959

Станция космических кораблей. Первая остановка — Луна, далее везде.

— Кто работает на этой машине?
— Двое: атом и я.

Луна — удобный путь для космических полетов.

Рисунки Ласло РЕБЕРА, Лайоша ШВОТТА
и Тибора КАЙЯНА (Венгрия).